

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
имени Т. М. Керашева

Мариет Джандар

ОСТАЛИСЬ АДЫГАМИ

Этнографические исследования

Майкоп
Адыгейское республиканское книжное издательство
2007

УДК 391/395
ББК 63.5
Д 40

Ответственный редактор кан. филол. наук **Дарико Схалыхо**
Рецензент доктор филол. наук **Едыдж Батырай**

Джандар М. А.
Д 40 Остались адыгами: Этнографические исследования.— Май-
коп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007.— 88 с.

Книга знакомит читателей с этнографией, фольклором, жизнью и бытом адыгов из Косово. Впервые вводятся в научный оборот полевые материалы, собранные автором.

Книга адресована специалистам-этнографам, фольклористам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся жизнью и бытом адыгской диаспоры.

ISBN 978-5-7608-0523-2

© Адыгейское республиканское книжное издательство, 2007

ОТ РЕДАКТОРА

Кандидат исторических наук Мариет Джандар в течение последних нескольких лет внимательно изучает жизнь и быт адыгов, проживающих в зарубежных странах. Читатели уже имели возможность познакомиться с ее книгой об адыгах, проживающих в Турции, — «Живое слово». Предлагаемая очередная книга «Остались адыгами» посвящена описанию и исследованию адыгских обычаев и традиций, сохранившихся среди косовских адыгов.

Опираясь на большое количество фактических материалов, собранных лично автором у жителей аула Мафэхабль, написана книга, рассказывающая о том, как косовские адыги бережно хранили, пользовались в повседневной жизни и передавали из поколения в поколение те традиции и обычаи, которыми всегда гордился наш народ. Это — и неистребимый дух свободолюбия и независимости, добропорядочность, рыцарство, уважительное отношение к женщине и старшим, воспитание подрастающего поколения в духе преданности адыгэ хабзэ (адыгство), толерантное отношение к другим этносам, среди которых приходилось им жить.

Внимательный читатель непременно заметит, что самые устойчивые из адыгских обычаев и традиций и поныне бытуют среди адыгов, вернувшихся из Косово: парни так же ухаживают за своими избранницами, так же женятся, играют свадьбу и выводят невестку; молодую беременную женщину всячески оберегают от тяжелого физического труда, максимум внимания уделяют роженице (если роды принимаются дома), большое внимание обращают на воспитание детей, видя в них будущих продолжателей рода адыгского. Так же у них развита коллективная взаимопомощь, с малых лет детей приучают к труду, — и самое примечательное — как глубоко верующие мусульмане, они не употребляют крепких напитков, в таком же духе воспитывают подрастающее поколение, даже на свадьбах не увидишь этого зелья.

Страницы, посвященные описанию методов лечения различных заболеваний, вызывают также интерес, и они, наверняка, имели место среди них в те времена, когда не по своему желанию вечно странствующие адыги-изгнанники не имели возможности пользоваться достижениями современной медицины, а кто знает — возможно, такое лечение было им не по карману. Все же невозможно не воздать должное тем врачевателям, которые на вполне профессиональном уровне лечили больных с помощью пиявок, кровопускания; также были у них

свои искусные костоправы и народные лекари, лечившие больных разными целебными травами.

Наши соплеменники, оказавшиеся на чужбине, быстро приспособивались к любым климатическим условиям, к образу жизни наций и народностей, среди которых им приходилось жить бок о бок, научились жить в мире и согласии. Об этом увлекательно рассказывает автор в своей книге.

Зарубежные адыги возделывали на своих участках зерновые и овощные культуры, разводили крупных и мелких домашних животных, также птицу. Продукты, приготовленные из них, служили им ежедневной пищей. А верность прославленной адыгской кухне они пронесли через многие десятилетия — надо полагать, что каждодневное употребление любимых национальных блюд служило им источником незабываемых воспоминаний об отчем доме.

... И вот вернулись на историческую родину первая, вторая и третья группы косовских адыгов. Встречали их у нас тепло, с распростертыми объятиями, заложили фундамент первых домов будущего аула Мафэхабль, затем заселили несколько домов. А сколько еще осталось недостроенными? В каком положении находится сейчас аул? Поэтому совершенно справедливо автор обращает внимание на неустроенность быта сегодняшних жителей Мафэхабля. После того, как отгремела война в Косово, некоторые из репатриантов сочли за благо вернуться в свои старые дома... Грустно и больно об этом писать, но это — тоже правда.

Возможно, неустроенный быт, нехватка жилья не являются единственными причинами возвращения некоторых семей в Косово. Однако хотелось бы, чтобы они не повлияли на их решение об отъезде. Словом, есть над чем подумать.

Ценность данной книги заключается в том, что автор обобщает собранный материал и высказывает свои суждения. Хочется надеяться, что книга вызовет интерес не только у историков, но и у всех тех, кого волнует судьба адыгской диаспоры.

Дарико Схалыхо

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА ИЗМЕРЯЕТСЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ, А НАРОДА — СТОЛЕТИЯМИ

Первая группа адыгов из Косово вернулась на историческую родину в 1998 году. И хотя после этого прошло немало лет, они никак не могут забыть поселение, в котором жили. Скучают ли по нему, мечтают ли вернуться туда или же их сердце сжимает боль от пройденного трудного жизненного пути? Трудно сказать. У каждого человека думы и переживания различны, но все как один они рассказывают о том, как внешне выглядело их поселение.

По рассказам косовских адыгов на исторической родине они жили в урочище Дышечей, и именно оттуда они были выселены (я думаю это где-то в районе р. Белой Майкопского р-на). Это случилось в 1864—1865 гг. Адыги не помнят каким путем их предки покидали родину, но по рассказам известно только то, что это было в мае-июне. В это время уже были спелые ягоды. Капитан судна Ф. Ф. Канитц, перевозивший адыгов, издал в 1875 г. книгу¹, в которой он указывает место высадки и количество адыгов. Адыги высадились на Дунае в порту г. Влади-Видино, а затем перебрались в Косово. Это были абадзехи и шапсуги. Их расселили по 35 поселениям: Д. Становце, Милошево, Урсовац, Тиквезе, Лазарево, Бевелан, Добревска, Витиниска, Подевено, Думэс, Айвалия, Чечавица и другие.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. закончилась победой России. По решению Берлинского конгресса адыги, проживавшие на Балканском полуострове, должны были переселиться в пределы Османской империи. Таким образом адыги покинули Болгарию, Румынию и Грецию. Однако в Косово оставалось несколько поселений. С 1952 г. много адыгских семей покинуло Косово. В основном они уезжали в Турцию, а часть из них предпочла вернуться в Адыгею.

Мне представляется, что решая где поселиться, они остановили свой выбор на таком месте, которое напоминало им прежнее, в основ-

¹ Канитц Ф. Дунайская Болгария и балканский полуостров. Лейпциг, 1875 г.

ном, конечно, по течению реки Лабы (на адыгейском языке Лаб). Выбрали такое место, как будто небо, солнце, землю и реку они захватили с собой из покинутой ими страны. Когда решили вернуться, как рассказывают, их посланцы отправились подыскивать места, напоминающие покинутые ими накануне. Они посетили Майкопский район. «Когда мы увидели места, где жили наши предки, нам показалось, что косовские окрестности, где мы проживали, последовали вслед за нами», — вот такое впечатление произвели на них эти места.

Село, в котором они жили до отъезда, называлось Дония Становце. Во времена правления Турции по-турецки оно называлось Ихсания. Первоначально там жили только адыгские семьи, всего их было в нем 160 семей. Но, начиная с 1952 года, адыги один за другим стали покидать это место. Воспользовавшись этим, албанские семьи стали покупать адыгские подворья. За последние 45 лет в там осталось всего двадцать три адыгейские семьи. Все адыги, покинувшие эти места, переехали в Турцию. Оставшиеся в селе двадцать три семьи вернулись в нашу страну и живут теперь здесь. Они говорят, что всю жизнь мечтали вернуться на землю адыгов. В селе жили семьи: Цеевы (их было большинство), Жьэу (звали их Хасани), Тлишевы (одна семья), Гутте, Тугузы, Басниевы, Тхагушевы, Абадзе (звали их Гишхабле). Семьи из родов Бадже, Шеудженов, Данаковых, Начевых переехали в Турцию.

Как рассказывают, село, в котором они проживали, было расположено в очень живописном месте, между двумя горами. С одной стороны, на юге, возвышалась гора под названием «Гьрдч». На западной же стороне, в горах, раскинулся прекрасный лес, его называли «Чичавиц» (что означает «принадлежавший старику»). Они поселились на равнинной местности, расположенной вдоль реки Лабы. Кроме того, село разделяла на две части небольшая речушка, которую называли «Кьулэджэжъые цыкIу» («Маленькое русло»). Это село выглядело настолько красивым, что проезжавшие мимо него люди поражались его внешнему виду, из-за этого его называли маленьким Стамбулом, даже маленьким Парижем. Примерно в трех километрах от него находилась железная дорога. Село между двумя горами смотрелось зеленым, чистым, четко разделенным на околотки. Род Цеев располагался отдельно. Рядом с ними жили Абадзе (Гишхабле). Жьэу (Хасани) жили в самом центре села. Там же находились Начевы, Махоши, Шеуджены.

Через речку Кьулэджэжъые цыкIу, разделявшую, как говорилось выше, село на две части, был перекинут мостик, построенный на средства Цея Ильяса Хаджимусовича. Мост поддерживали каменные сваи, длиной он был около четырех метров, шириной в три метра. При каждом наводнении сносило прибитые на нем доски. Поскольку это пре-

пятствовало передвижению людей на другую сторону реки, они укрепили мост железнодорожными рельсами. Говорят, что до сих пор этот мост служит людям, хотя после его постройки прошло около восьмидесяти лет. Так как он был расположен напротив околотка Цеев, то говорили, что этот мост принадлежит им. Через реку Лабу также был построен мост, и его тоже разрушало половодьем. Строительство было осуществлено на средства, собранные жителями села. Позже государство построило там же добротный мост. Через него можно было выйти к железнодорожной линии. По виду Лаба казалась спокойной рекой, но при наводнении наносила немалый ущерб огородам семей, хотя удивительно, но никто не помнит, чтобы из-за этого был подтоплен хоть один дом.

В конце села и в начале другого села под названием «Велика рика» протекала речка с соленой водой. Адыги называли ее «Псышгугэ» («Гнилой речкой»), а сербы — «Ситница». «Псышгугэ» впадала в Лабу. В селе имелась мечеть, жило в нем трое хаджей: Хаджи Мос и Хаджи Исмаил были из рода Цеев, Хаджи Кул из рода Махошев. В нем имелась также религиозная школа, построенная на средства селян, ходили дети и в государственную школу, которая находилась в Велика рика. Она была открыта в 1936 году, обучение велось на албанском языке. В селе не было ни больницы, ни почты, ни хасэ, местом схода мужчин служила мечеть.

В Дония Становце в 1930 году Цей Щэриф впервые открыл магазин. В нем продавали все: от продуктов питания до одежды. Магазина не стало, когда началась война. Затем магазин, открытый Цеем Руфатом, существовал с 1941 по 1945 годы, позже в селе открылся государственный магазин. В Дония Становце вплоть до переселения у многих семей имелись частные магазины.

Никто не помнит, чтобы в селе занимались куплей-продажей, обменом.

В селе имелись мельницы. Этим, в основном, занимались Жьэу (Хасани) Индар и его сын Шаип. Первая мельница, водяная, была построена на Лабе, позже ее сделали электрической. Помимо этого, была большая мельница, совладельцами которой были Хуцукко Шалих, Тлип Яхья, Жьэу Якуб. В 1955 году по решению государства закрыли водяную мельницу.

В селе вода в дома не была проведена, но каждая семья имела свой колодец, над некоторыми возвышались деревянные журавли, и были колодцы, откуда воду доставали с помощью веревки. Прежде чем построить колодец, семья выбирала подходящее место. Затем нанимали албанцев, мастеров в этом деле, они и копали скважину глубиной в де-

вать-десять метров. В зависимости от вырытой глубины производилась и оплата, следует заметить, что эта работа стоила дорого.

После того, как выкоют скважину, ее обкладывали прочным камнем, который привозили из определенного места. Камень этот назывался «Чэтмыжь», он был отшлифован природой и из него не сыпался песок.

В селе имелись и общественные благотворительные колодцы. Один из них был построен лет за пятнадцать до переселения на средства Юсуфа, внука Жъэу Якуба (его сегодня уже нет в живых, умер в Турции). Он дал себе слово, что построит такой колодец, и сдержал его. И по сей день проходящие мимо колодца, стоящего на обочине дороги, пьют из него воду, останавливаются передохнуть. Вода в нем очень вкусная, холодная. Назывался он колодцем Юсуфа. Кроме этого, Сафароко Ибрагим тоже вырыл колодец, но недалеко от этого места построили мост, что немного ухудшило качество воды.

В селе было три кладбища. Одно из них находилось в самом центре села. Но затем его закрыли, больше там не хоронили, огородили забором с калиткой и оставили только для посещения.

Другие два кладбища тоже были огорожены и располагались неподалеку от поселения. Одно из них принадлежало зареченцам, другое — роду Цеевых. Зареченское кладбище было расположено на высоком берегу Лабы. Огород жены эфенди примыкал к территории мечети, поэтому она завещала превратить ее огород в кладбище. Ее саму после смерти похоронили на этом же кладбище. Она также завещала, что за тех, которых хоронили здесь, должны были заплатить одну красную золотую монету. Желаящие, чтобы их похоронили на этом кладбище, должны были предварительно купить землю (место). Вырученные деньги тратили на нужды мечети. У кого не было золота, могли заплатить 100—120 марок. Столбики у изголовья и ног покойника делали из дерева, затем стали мастерить их из камня. Как правило, каменных надгробий не ставили, цветы не высаживали, сажали только деревья, но не фруктовые. Посаженные деревья акации будто огораживали кладбище. Могилы не принято было огораживать.

Следует заметить, что в селе не было бани, мыться отправлялись в город Вучитрно, расположенный на расстоянии восемнадцати километров от них. Нельзя утверждать, что село выглядело благоустроенным: дороги и улицы не были вымощены, по их неровной поверхности ходить было нелегко, они к тому же и не освещались. До последнего времени в селе не было бытового газа для приготовления пищи.

Если семьи принимали решение построить дом, они очень придирчиво выбирали место, затем устраивали на этом месте праздник, при-

нося в жертву специально откормленного барашка. Голову барашка закапывали в то место, где ставили дом, считая, что это будет во благо. Фасад дома всегда был обращен на юг. «Комната, в которой совершают намаз, должна быть южной, это атрибут мусульманского дома, тогда он становится счастливым, спокойным домом. Хорошо ведь быть обращенным к Каабе» говорили они.

На подворье в первую очередь ставили туалет на значительном расстоянии от того места, где будет построен новый дом, затем уже начинали строить дом.

Все дома в селе, в котором они жили, были огорожены забором из красного кирпича. Соседи друг к другу ходили через небольшие приподнятые между дворами переходы. Помнят еще, как дома были огорожены плетнями из прутьев. Для этого использовали прутья кустарников фундука. В селе двухэтажных домов было всего четыре. Это дома Жьзу (Хасани), Цеев, Шеудженов, Махошев.

Подворья были большие, просторные, было посажено много цветов, плодовых деревьев. Во двор заезжали через большие ворота, а заходили через калитки, которые на ночь запирались настоящими замками. Как мы уже говорили, улицы ночью не освещались, но на подворьях было светло.

Первые дома строили из круглых бревен, наподобие рубленых домов, их невозможно было разрушить, так прочно они были сложены. Внутри дома стены были помазаны глиной с соломой, побелены набело известкой, полы также были глиняные. В домах находились сколоченные из досок лавки. Раньше такие рубленые дома были у Жьзу, Абадзе, Махошев, но в момент их переселения таких домов там уже не было.

Если кто-то из членов семьи должен был отделиться, ему строили дом в этом же дворе, а если для этого возможности не было, старались построить ему неподалеку. Если отделялись братья, то отцовский двор они делили с сестрами по-мусульмански: женщине — одну часть подворья, мужчине — две части.

Женщины, вышедшие замуж, не получали землю во дворе отца, но если у семьи были участки земли в других местах, то могли им выделить там. Когда человек выбирал себе участок земли, за него молились богу с пожеланиями благополучия на новом месте.

Все постройки на подворье имели свое предназначение. Семье, занимающейся хозяйством, кроме жилого дома, еще многое было необходимо. Как рассказывают, во дворах было много построек для различных целей.

Большой хозяйский дом состоял из кунацкой, большой комнаты, комнаты свекра и свекрови, комнаты сына и невестки, девичьей комна-

ты. Помимо этого, была кухня — пыты, имелось место, где хранились соленья, заготовленные впрок продукты на зиму, — хранилище (оно не обогревалось). Во дворе имелась печь под навесом для выпечки хлеба.

Еще во дворе отдельно находилось помещение, где занимались плотницкими делами, их называли «радониц». Это была постройка длиной восемь метров, шириной шесть метров, с окнами и дверью со стороны двора.

Во дворе стояли амбар, в который засыпали пшеницу, а также двести турлучных постройки — сапетки. В них хранилась кукуруза.

Имелись также овчарня, коровник, сеновал, конюшня, курятник, и располагались они подальше от дома. На значительном расстоянии от дома во дворе находились отдельно женский и мужской туалеты.

Чаще всего дома строили методом шихафа — коллективной взаимопомощи. Для этого вечером обходили дома и оповещали об этом. Семья, проводившая это мероприятие, забивала откормленное животное, готовила еду, чтобы покормить участников шихафа. Мало кто из приглашенных не являлся. Все, у кого имелись подводы, являлись, чтобы привезти камни, необходимые для закладки фундамента дома.

Когда надо было возводить крышу, тоже устраивали такую взаимопомощь. И такой двор можно было увидеть издали, так как на крыше устанавливали два деревянных шеста с натянутой веревкой между ними.

Жители околотка, соседи, родственники, знакомые — все они что-то приносили с собой. К примеру, могли принести чулки, платья, косынки. Принесенные подарки раздавали тем, кто принимал участие в шихафе. Когда были установлены на крыше стропила, клали обожженную красную черепицу. Рассказывают, что в этом селе были умелые мастера — плотники, это сыновья Цея Хаджимоса Ильяс и Осмэн, сын Жьэу (Хасани) Тагира Махмуд, Бадже Ибрагим (не помнят имени его отца).

Кирпич для строительства дома тоже заготавливали с помощью коллективного шихафа. Собирали людей и заливали в русле реки глину, чтобы она достаточно намокла. Утром месили эту размокшую глину ногами, подправляя ее деревянной лопатой, собирая в одну кучу. В этой глине не должно было быть никаких примесей. Затем ее укладывали в форму и резали как кирпич. Давали этим нарезкам просохнуть в течение дня, на второй день их переворачивали и досушивали, а затем обжигали докрасна.

Прежде чем построить дом, делали каменный цоколь, закладывали фундамент и выдерживали их в течение зимы, а весной приступали к строительству. Внутри дом всегда оштукатуривали глиной с соломой,

затем белили известкой, потолок красиво обивали досками, окна делали двустворчатыми, но без ставен. К дому пристраивали широкую летнюю открытую веранду с подпорками, чтоб там можно было сидеть и отдыхать. Когда заканчивали дом, сразу же устраивали новоселье с молитвами. Для этого забивали барашка, готовили национальные блюда, приглашали всех селян и угощали их. Читали Коран, молились Аллаху: «Пусть в доме поселится благополучие, а подворье станет счастливым».

Все приглашенные на новоселье должны были принести необходимые для хозяйства подарки.

Помимо коллективного строительства дома, устраивали и другие шихафы, чтобы облегчить семье решение других хозяйственных дел. Это такие, например, как очистка кукурузных початков. В этом участвовали не только женщины, но и подростки — мальчики и девочки. Иногда шихаф продолжался два-три дня, и хотя не обязательно было каждый день быть одним и тем же людям, но из каждой семьи кто-то должен был принять участие. Случалось, что трехдневную работу заканчивали за два дня. Очищенную кукурузу мужчины засыпали в сачетки.

Чаще всего шихафы проводились по обработке шерсти, так как у адыгов было много овец. Шерсть с них служила им и одеждой, и одеялом, и матрасом.

Шерсть стирали, высушивали, общипывали. Ею забивали отдельную, пустую комнату. Затем приглашали каждого отдельно, прося на завтра явиться на шихаф по обработке шерсти.

Все приходящие приносили с собой свои чесалки. Их называли чэр-кес цыпх («черкесские чесалки»). Чесали ими шерсть и делали затем клубочки (комочки). И так они чесали целый день.

Из длинной шерсти старых овец изготавливали матрасы, из шерсти ягнят — одеяла. Женщину, которая не могла сделать матрас и одеяло, не считали настоящей женщиной. Из шерсти ягнят также делали войлок. Для этого чесали невымытую шерсть, скатывали и крепко связывали. Затем равномерно выкладывали на циновку, а потом поливали всю шерсть горячей водой (что руки могли терпеть). После этого брались за конец циновки, на которой разложена шерсть, круто и крепко сворачивали и туго перетягивали веревками, поливали эту свернутую циновку горячей водой, переворачивая, утрамбовывали ее не менее часа, прижимая к стене. После чего циновку развязывали, выпрямляли. Этот войлок не пропускал воду и из него делали бурки. На нем также спали незамужние девушки и неженатые парни, чтобы у них сформировалась красивая фигура.

Тех, которые явились на шихаф, кормила семья организатора, но в этом принимали участие и неженатые парни. От лица известной в селе девушки к неженатому парню отправляли маленькую девочку, перевязав ее руки. Парень, к которому подходила эта девочка, развязав ее руки, передавал через нее какие-нибудь сладости. Этими принесенными сладостями угощали участников коллективной работы. На угощение готовили соус из курятины, напиток, сваренный на молоке сладкий рис.

Мастера адыгского села

Проживавшие в селе люди хорошо знали друг друга, имели родственные связи, помогали всем. Не было ни одной семьи, в которой хотя бы один человек не владел мастерством в каком-нибудь деле. В одной семье проживал отличный плотник, в другой — прекрасно владела золотошвейным ремеслом, в третьей — портняжили... Так вот и жили, помогая друг другу во всех делах, выручая друг друга.

В семье, где был достаток, имелась телега с лошадьми или быками. Это были семьи Цей Ильяса Хаджимосовича, Жьэу Индара Хасановича, Жьэу Сулеймана Хасановича. Эти семьи всегда помогали тем, у кого не было тягла, в хозяйственных делах, в уборке урожая.

В жизни адыгов всегда придавалось большое значение изготовлению циновок. Среди умелых мастеров по плетению циновок вспоминают Махоша Вахида, Махоша Хасана, Сурет (Цей), урожденную Гутте. Они изготавливали циновки разноцветные, и разнообразные по рисункам. Кроме того, изготавливали сумки (кошелки), хлебницы из куги. А Гутте Сурет и Нач Фариды были большими мастерицами по изготовлению вееров. Их делали из ржаной соломки. Такими веерами обмахивали невесток. Кроме этого, эти две женщины шили красивые игольницы.

Адыги широко прославились золотошвейными изделиями, изготовленными женщинами. Вышивали золотыми нитями красивейшие орнаменты Жьэу (Хасани) Фахри, Беслиней Ася и Хуснир. У них были для этого рамы на четырех ножках. Материал, на котором вышивали, натягивали на раму — пядьцы, а затем штрихом наносили орнамент. Вышивали иголкой с двумя ушками, передавая левой рукой, которая находилась позади болванки, в правую руку, находящуюся сверху.

Женщины, проживавшие в селе, добрыми словами вспоминают тех женщин, которые шили им платья. Много красивых платьев для невест спили Цей Вахида, Жьэу Фахри, Жьэу Ади. То, что они видели глазами,

они воплощали своими руками. Также помнят Гиш Фатимет, что только она одна могла делать бурки.

В селе жил и серебряных дел мастер. Это был Шхауков Ахмед. Он чернью по серебру наносил необыкновенно красивые узоры.

Молочные продукты в питании адыгов всегда занимали и поныне занимают значительное место. Особенно из сыра можно было приготовить много разнообразных блюд. Для придания свежему сыру нужной формы часто использовали кьоеихыль (лукошко). По изготовлению кьоеихыль мастеров было немного, поэтому хорошо помнят тех, кто их делал, таких как Нач Фариду, Нач Хангуаше, Цей Осмэна. Кьоеихыль они делали из ивовых прутьев, сняв с них кору, обдавали их кипятком, чтобы зеленые пруттики стали более гибкими и податливыми.

В селе жил искусный плотник Жьэу (Хасани) Индар. Он мастерски изготавливал принадлежности для подводы, такие, например, как колесо, ось, дробина, ярмо. Кроме этого, делал и подставки для удержания поклажи.

Сын Индара Щаип вернулся сюда в числе первых (его уже нет в живых). Ему передалось мастерство отца: Щаип очень хорошо мастерил окна и двери, большим умельцем был и в изготовлении колыбелей, стульев, круглых столиков — Ианэ, скалок.

Был у них и мастер-обувщик, который чинил им обувь — это Хуцу-ко Рэджэб Шалихович.

Хорошо клал печи Цей Осмэн Хаджимосович.

Были семьи, у которых имелись кузнечные меха. Один из них — Жьэу Меджид Тахирович, он мастерски управлялся с каленым железом.

Следует заметить, что в селе должное внимание уделялось охоте. Тлиш Яхья был опытным охотником. Охотился он в основном на зайцев и фазанов. Добрым словом здесь нужно вспомнить и Кабартая Нури. Он приехал в село и прожил в нем лет десять со своей семьей. Нури тоже успешно занимался охотой, у него была охотничья собака, к тому же он умел пускать кровь (ляо). Куда он уехал из села, никто не помнит.

В селе было много хороших гармонистов. Они играли на губных гармошках, переняв это у немцев. Среди женщин немного было таких, которые не играли бы на губных гармошках. Самыми искусными гармонистами считали Жьэу Индара и Тугуз Тевхиду, которых часто приглашали на свадьбы.

Когда Жьэу Индар появлялся в другом селе, про него говорили, что прибыл искусный гармонист, и люди стекались к нему. Примерно в тридцать лет Индар тяжело заболел, у него был сильный жар. Опасаясь, что он может умереть, люди старались чаще навещать его. Но, не-

смотря на то, что был так тяжело болен, он садился и, наверняка в бреду, играл на гармошке. Когда ему рассказали об этом после его выздоровления, он перестал играть. Больше никогда Индар не брался за гармошку. «Не возьму ее больше в руки, если из-за нее люди смеялись надо мной», — решил он. Здесь уместно сказать, что в этих краях в течение века не слышали чарующих наигрышей адыгской гармонии, будоражащих звуков трещоток, тягучей мелодии камыля, горького плача щичепшина. Здесь встают вопросы: «Когда адыги переселялись сюда, они не взяли с собой музыкальные инструменты? Как так случилось, что они утратили их?» Как мне кажется, люди, попавшие в такую тяжелую ситуацию, не имели времени играть на гармошке, петь песни, танцевать в кругу, и даже представить себе такое не могли. А вот песни-плачи адыгов существовали в устном народном творчестве. Поэтому много песен-плачей и до сих пор не забыты ими.

В селе было много умелых поваров, и когда проводили празднество или игрище, всегда приглашали их. Как правило, поварами были мужчины. В последнее время эти обязанности выполнял Цей Седуль, ему было около 65 лет. Он переехал в Турцию. У Седуля был помощник Цей Гязам. Помогали им и женщины той семьи, которая проводила торжество. Мясо мыли женщины, но закладывали его в казан и перемешивали в нем мужчины. Повар привозил с собой казаны, треноги под них, но, правда, как рассказывают, раньше в селе имелись общественные кухонные принадлежности, которые обычно перевозились от одной семьи к другой.

У меня сложилось мнение, что жители села во всех отношениях были самодостаточными, приспособленными к жизни. И вовсе не чувствуется, что они часто прибегали к помощи посторонних людей, среди которых проживали. Но когда они вспоминают, рассказывая о том, какие трудности выпали на их долю в последние годы, понимаешь, что им было не так уж легко.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Нет никаких сомнений в том, что косовские адыги придавали надлежущее значение созданию семьи, да, наверное, и нет такого народа, который имел бы другой взгляд на этот вопрос. Перед тем, как взять девушку из дома родителей, учитывали, какой уклад жизни в ее семье, точно так же и в семье невесты оценивали семью жениха. С обеих сторон присматривались к тем, с кем должны были породниться. «У кого порядочные отец и мать, тот будет подходящим человеком для создания семьи», — говорили они.

Как рассказывают, когда-то были времена, когда адыги женились или выходили замуж, не зная друг друга и даже не увидев друг друга ни разу, но это время они не застали. Девушки выходили замуж совсем молоденькими, если девушка пятнадцати-двадцати лет не вышла замуж, считали, что «счастье ее запаздывает». Девушки более старшего возраста выходили замуж за «засидевшихся» мужчин. Помнятся такие времена, когда у мужчины умирала жена, и если у нее была незамужняя сестра, то он брал ее в жены, полагая, что она должна стать детям-сиротам заботливой матерью. Кроме этого, если умирал муж, и в семье оставалась невестка-вдова, на ней мог жениться холостой деверь. Такой обычаем существовал у всех адыгов, он вошел в научную литературу под названием «левиратство» и «сороратство».

Перед тем как пожениться молодые виделись друг с другом, знакомились, парень начинал ухаживать за девушкой. Парень мог увидеть девушку на свадьбе, празднестве, на шихафе. Если девушка понравилась парню и она дала согласие выйти за него замуж, ее считали невестой. В этом деле придерживались определенных традиций. Оба они ставили в известность родителей о своих намерениях через посредников. После этого со стороны жениха отправляли посланцев в семью девушки с предложением, чтобы они отдали ее замуж. Посланцами обычно отправляли близких родственников жениха. В семье девушки знали время, когда явятся доверенные лица, но специально не готови-

лись, стол не накрывали, явившиеся гости тоже долго не засиживались. Семья девушки отвечала: «Посоветуемся в семье». Но надо сказать, что затем конкретно назначался день, когда будет дан окончательный ответ. К назначенному сроку в семье девушки шли приготовления, в этот день из семьи жениха прибывали сваты. Принято было, чтобы родственников жениха насчитывалось не менее трех человек, но если их было более пяти, считалось неприличным. Семья невесты накрывала стол, угощала гостей, высказывала согласие выдать свою дочь. Эта группа договаривалась о времени организации свадьбы, но долго не засиживалась. Через два-три дня после этого приносили невесте свадебное платье и кольцо. И семья невесты также передавала жениху свадебный костюм вместе с кольцом. Со дня обмена кольцами считали, что невеста окончательно выбрана. При возвращении посланцев с подарками в доме жениха стреляли из ружей, устраивали игрища, пили сладкие напитки. Когда шли в дом жениха, говорили: «Идем пить щербет», а когда отправлялись на свадьбу, то произносили: «Идем кушать суп». После того, как назначили срок, девушка оставалась жить у родителей, но поступала так, как распоряжалась семья жениха. Парень не ходил к девушке в дом, но вместе со своими друзьями и подругами они встречались в оговоренном месте.

Тем временем девушка готовилась к свадьбе. Примерно дня за два до свадьбы девушка устраивала смотрины с угощением для близких родственников, чтобы показать им свои рукодельные изделия, свою одежду. Приглашенные родственницы приносили невесте подарки, как правило, это были разнообразные изделия, сделанные своими руками. После того как посмотрели одежду, все заново гладили, укладывали, готовили к отправке. Когда девушка выходила замуж, много из приготовленных ею подарков забирала с собой. Их раздавали как подарки от невестки свекру, свекрови, членам семьи. Эти подарки от невестки готовили в соответствии с тем, сколько человек имелось в семье жениха. Золовкам дарили кольца, свекру и свекрови — одежду, деверям достаточно было подарить рубашку. И девушка-невеста все это брала с собой.

Когда наступал назначенный срок, парень в сопровождении свадебного кортежа забирал девушку к себе домой. Жениха сопровождали родственники, друзья, вместе с ним должен был находиться его отец, также брали с собой много женщин. Но сам жених не заходил к невесте в дом, когда прибывали за невестой, он оставался в определенном месте и позже присоединялся к ним. Невеста ждала их, но не надевала свадебное платье. Пока невеста была еще дома, ее «заговаривали», чтобы не сглазили, когда на нее будет смотреть много людей. В одеж-

ду, которую она должна надеть, вшивали маленький голубой глазок вместе с долькой чеснока. Собирались все родственники невесты. Ожидали приезжающих за невестой большой группой людей при открытых воротах. Мужчины, которые приехали за невестой, во двор не заходили, а заходили только прибывшие женщины. Этим женщин встречали во главе с матерью невесты и приглашали зайти. Все радостно встречали прибывших женщин; среди них находился гармонист, затем молодежь и люди постарше разъединялись и несколько минут танцевали, как бы открывая свадьбу. Затем гости мыли руки, и их угощали сладостями.

После этого родственники невесты начинали свадьбу. Все находящиеся там, женщины принимали участие в танцах. Когда очередь доходила до молодых замужних женщин, каждая должна была подойти к своей свекрови, взяв за кисть ее руки спросить разрешения, затем танцевала. После завершения танцев женщин-гостей усаживали за стол и угощали их чаем, кофе. Когда, выпив кофе или чай, возвращали посуду, они на блюдечко клали деньги. Более близкие родственники давали большую сумму. Потом эти деньги отдавали женщинам, которые одевали и вообще готовили невесту к свадьбе. После чаепития кто-то из гостей припрятывал один стакан. И когда невесту, выводя из дома, усаживали в машину или на телегу, разбивали его, или же увозили его с собой домой, а затем показывали молодой невестке. После чаепития будущих золовок, которые находились в группе прибывших женщин, заводили в комнату невесты. В этой комнате ее знакомили с будущими золовками и она одаривала их подарками. Затем будущие золовки выходили из комнаты, держа напоказ подарки, и танцевали в кругу.

После танцев прибывших за невестой женщин подводили к самой старшей по возрасту женщине. И эта женщина держала конец шелковой материи, длиною примерно в два метра, на которую ступала невеста. Она брала невесту за запястье, затем осыпала ее сладостями. Вместе с ними две женщины выводили невесту на улицу и ставили в центр. Они были с ее стороны. Невесту, в каком бы возрасте она ни была, одевали в белое длинное платье, особенно это было обязательно, если она выходила замуж впервые, это было неременным правилом.

После такого обряда невесту обратно отводили в дом и запирали дверь, говоря: «Если хотите забрать невесту, давайте деньги». Убедившись в том, что просто так невесту им не отдадут, звали свекра, чтобы он заплатил. И свекор отдавал женщинам, которые не отпускали невесту, столько денег, сколько те запрашивали. После этого невесту усаживали на телегу или в машину, и ехали в дом жениха, забрав с собой одежду и приготовленные невестой подарки. Издали можно было уз-

нать свадебный кортеж: на одной из их машин или телег развевался флаг. К великому сожалению, у косовских адыгов не сохранился адыгский флаг, но женщины-свахи к телегам привязывали нарядные вышитые полотенца, а затем парни, родственники невесты, к каждой телеге, прибывавшей за нею, привязывали по одному такому полотенцу.

Надо сказать, что, как только девушка выезжала со своего двора, ее называли «невестка». Девушку-невесту усаживали в машину, а рядом садились женщины. И только один мужчина находился среди них — это водитель.

Как только невесту сажали в машину, ее родственники выливали на колеса ведро воды, напутствуя: «Счастливого, доброго пути».

Невеста не должна была оборачиваться, в машину она ступала правой ногой. Пока не скроется из виду ее родительский дом, она сидела на корточках, только затем ее усаживали нормально. Когда в назначенный срок забирали невесту, с нею отправляли кого-нибудь из парней-родственников. Этого парня в семье жениха всячески ублажали, ему преподносили много подарков. Бывало, что парень оставался и заночевать, но если его дом был близко расположен, то к ночи он возвращался.

Мы уже рассказывали о том, что на машину, приехавшую за невестой, привязывали полотенце, но некоторые рассказывали по-другому. Например, как нам поведала Тугуз Тэвхида Изевна (девичья фамилия Цей), на машину привязывали флаг зеленого цвета с полумесяцем, а по его центру располагались звезды. За невестой, как правило, приезжали вечером и стреляли из ружей. Посадив невесту в машину, ее обсыпали сладостями. Обычно это делала старшая золовка. К невесте не подпускали молодых замужних женщин, у которых еще не было детей. Все женщины и дети собирали сладости, которыми обсыпали невесту, считая, что съесть это — к добру, особенно старались угостить этими сладостями женщин, страдающих бесплодием, считая, что это их исцелит.

Прежде чем переступить порог дома жениха, невестка с обеих сторон обмазывала его медом, в дом ее вводили спиной, следя за тем, чтобы она не наступала на порог. Перед этим ее руки опускали в медовую воду, трижды она должна была прикоснуться к верхней перекладине двери, затем зачерпнуть горсть пшеницы, насыпанной в сито, перед ней по ходу сыпали пшеницу — считалось, что это принесет в дом счастье и достаток. Как только невестка переступала порог дома, над ее головой поднимали Коран, трижды кругом водили над нею, а потом клали ей в подмышку правой руки. Здесь невестке под ноги стелили красивую шелковую ткань, символизирующую дорогу в новую жизнь, давали подержать ребенка — мальчика, считая, что тогда она будет рожать мальчиков; еще надо сказать, что этот мальчик должен был засунуть

руку за пазуху невестки, а невестка должна была дать ему подарок. Перед тем, как невестке лечь в постель, этого же мальчика заводили в комнату новобрачных и трижды переворачивали его в постели, считая, что это будет способствовать тому, что невестка будет многодетной.

Невестку во время свадьбы ставили в угол комнаты. Независимо от того, закрыто лицо невестки или нет, она не должна была открыто рассматривать людей. С новобрачной находились молодые родственницы мужа, выполняя все ее поручения. Заранее оговоренную свадьбу обычно играли сутки, затем следовал вывод невестки.

Как только приезжали женщины с невесткой, все усаживались праздновать за заранее накрытые столы, отдельно мужчины и отдельно женщины.

Вывод невестки

Невестку выводили днем. Ей наносили красивый макияж, но считалось неприличным, если она накрутится при выходе из родительского дома. Когда невестку выводили, рядом с ней ставили не совсем красивых женщин, чтобы они не затмили ее красоту. Считалось, что если у этих женщин нет детей, то это не к добру. Поэтому выбрать таких женщин было не так-то просто. Их выбирали из родственниц жениха. Следует сказать, что если имелась золовка, ее могли поставить рядом с невесткой. Они выводили невестку из комнаты новобрачных в комнату, где находились пожилые женщины. Лицо невестки было закрыто прозрачной вуалью, руки нельзя было выставлять из-под шали, чтобы они не огрубели. Здесь также нельзя было наступить на порог, чтобы злые люди не могли ей навредить. Сначала невестку подводили к свекрови, у которой она целовала кисть руки и край одежды, чтобы впредь почитала ее. После свекрови ее подводили к другим родственницам мужа, она также целовала кисти их рук, но край одежды не целовала. После окончания обряда невестку выводили в центр комнаты. Свекровь первой обсыпала ее сладостями, приговаривая, чтобы невестка была по характеру мягкой, ласковой, добросердечной, затем с пожеланиями стать богатой все обсыпали ее деньгами (обычно монетами).

Все это собирали дети, молодые девушки, бездетные женщины (говорили, что если они поедят эти сладости, то родят).

Золовка подходила к невестке, трижды прикасалась рукой к ее голове, приговаривая и молясь: «Бисмиллах, окажи нам милость, сделай так, чтобы невестка принесла нам счастье» — говорили, что тогда невестка не будет задирать нос после такой процедуры. Перед тем как

невестку выведут из комнаты, ведя ее шагами назад, снимали закрывающую лицо вуальку, разрешали смотреть открыто. Вот в этот момент впервые можно было увидеть ее лицо и не только оценить ее красоту, но по поведению и поступкам можно было угадать и ее характер. Ради невестки молились богу, приговаривая: «Машаллах, машаллах (слова одобрения), пусть она станет продолжательницей рода, пусть родит много мальчиков». Вспоминают, что в адрес невестки провозглашали вот такую здравицу:

Роди много сыновей.
В широком платье
Как квочка заботься о детях,
Как овца будь мягка,
Не ходи по соседям,
Не ввязывайся в сплетни,
А стань членом семьи.

Разные обрывки этой здравицы произносят и у нас, и в Турции. Но эти слова «не ходи по соседям, не ввязывайся в сплетни, а стань членом семьи» я услышала впервые. Если задуматься, понимаешь, какие глубокие мысли они в себе содержат.

После всего этого невестка возвращалась в комнату новобрачных, но в этой комнате закрывались молодые парни и девушки и не впускали ее. Невестка должна была дать им подарки. Если у невестки не было подарков, то это должны были сделать ее родственники, находящиеся на свадьбе,— чаще всего давали деньги. В день, когда должен состояться вывод невестки, приглашали ее родственников. Приходили, как правило, младшие сестра и брат, если таковые были у нее. Они приходили, ничего не принося с собой, но когда уходили, им давали с собой сладости.

Когда праздновали вывод невестки, все приходящие приносили подарки, которые отдавали свекрови. Близкие родственники приносили сладости и вместе с этим дарили обязательно барана. Дочь хозяев должна была принести халюж (чебуреки) с сыром. Если их было меньше сотни, то это не считалось подарком. Это должны были быть две корзинки халюж и десять булок хлеба.

На рога барана навешивали яблоки, на шею надевали венок из цветов, на лоб прикрепляли зеркальце. Таких живых баранов во двор пригоняли около двадцати — двадцати пяти голов. И всех их поедали на свадьбе.

Одну из шкур, снятых с баранов, отдавали молодежи, чтобы те устроили соревнования, игры, называемые «борьбой за шкуру». Деверь

невестки взбирался на крышу и, размахнувшись, бросал шкуру в толпу веселящейся молодежи. Парни бросались к ней гурьбой и пытались отнять ее друг у друга. Того парня, которому удалось завладеть этой шкурой, считали ловким, говоря, что «если он еще не женат, скоро женится», что, мол, он стал взрослым.

На свадьбе устраивали интересные розыгрыши, чтобы это осталось в памяти людей. До сих пор многие хорошо помнят один из таких розыгрышей, который проводили всадники, парни ездившие за невестой. Говорили, что это украшает свадьбу. Взрослые девушки, отправляясь на свадьбу, брали с собой спрятанные на груди вышитые платочки, но об этом никто не должен был знать. Обычно на свадьбе появлялись пять-шесть всадников. Их называли «прибывшие за платочками». Один из всадников называл имя девушки, которую он выбрал, и требовал отдать ему платок.

Распорядительница на свадьбе у девушек подходила к этой названной девушке и говорила «давай платок». Такие платочки были очень нарядно вышиты. Они должны были быть однотонными, но вышитыми по краям золотыми нитками. Девушка отдавала свой платок распорядительнице. Она, эта распорядительница, вручала платочек распорядителю на свадьбе среди парней, а тот отдавал его одному из всадников. Тот, который взял платок, обязательно должен был на коне погарцевать на кругу. Присутствующие на свадьбе наблюдали в праздничном, приподнятом настроении за этим всадником, говоря, что скоро будут свидетелями его свадьбы. Случалось и так, что всадники все вместе просили дать им платочки. Если девушка отдавала кому-то из всадников платок, считалось, что она дала его как залог, поэтому других женихов она не обнадеживала. Вспоминают, как лет пятьдесят назад на свадьбе у Цеев в Д.Становце отдавала платок одна девушка. Сын Начевых въехал на коне на свадьбу и выкрикнул, что хочет, чтобы дочь Цеевых Ракуй дала ему свой платок. Ракуй отдала ему свой платок, а затем вышла за него замуж. Эта красивая, благополучная семья до сих пор живет в Турции. Вот также на этой свадьбе Абаева Бирамхан подарила свой платок парню из Шеудженов. Надо сказать, что не всем всадникам удавалось добиться желаемого. Случалось и так, что платков им не давали. Поэтому, чтобы не особенно смущать всадников, им давали платки, взяв их из приданного невестки. Иногда семья девушки не соглашалась с ее решением, запрещала ей выходить замуж за того парня, которого она выбрала. Поэтому парню приходилось умыкать ее.

У адыгов кроме обговоренной, назначенной свадьбы, бывали случаи, когда жених умыкал невесту. В настоящее время этот обычай изжил себя. Девушка, приготовившись, в условленном заранее месте

встречалась с парнем, куда он являлся со своими друзьями. Затем он отвозил ее к кому-нибудь из своих родственников. Семью, в которую привезли невесту, называли «промежуточной», «семья, в которую временно поместили невесту». Хозяин этой семьи в сопровождении спутника отправлялся к родителям невесты, чтобы сказать: «Ваша дочь временно находится у нас в качестве невесты, согласны ли вы породниться с семьей жениха?» После этого семья девушки отправляла к ней посланцев. Если девушка отвечала: «Я согласна», семьи жениха и невесты приходили к согласию.

Невесту жених отвозил в «промежуточный дом», для того, чтобы семья молодого могла подготовиться материально и сделать свадебные церемонии более пышными.

В этой семье невеста находилась примерно 3—7 дней. Здесь же играли свадьбу. Затем невестку отвозили в дом жениха. Привозили ее как невесту, с которой был раньше оговорен срок, но одежду свою она не брала, ее родственники привозили ей в тот день, когда ее вводили в новую семью. Тем, которые доставили ее одежду, дарили подарки, угощали, ублажали как новых родственников.

В семье, в которой временно поместили невесту, относились к ней как к своей невестке. Покупали ей одежду, дарили золотые украшения. Когда «украденную» невесту привозили в семью жениха, там свадьбу играли в течение суток, как свадьбу, играемую для обговоренной девушки. Но она дольше находилась в комнате для молодых, пока семья готовилась к свадьбе. Иногда это продолжалось в течение месяца. Каждый вечер в этот период собирались молодые, они танцевали, веселились, однако их не угощали. Невестка всячески ублажала женщин, девушек, которые постоянно находились с ней. Чтобы определить, трудолюбива ли невестка, в комнате, где веселились, устраивали беспорядок. После окончания свадьбы молодая невестка все это убирала и наводила в ней порядок.

Косовские адыги вспоминают, какое большое значение на свадьбе придавали обряду «ухода притесняемой бабушки». Когда женится внук, то бабушка должна была «покинуть» дом. Как рассказывают, это устраивали вечером в тот день, когда выводили невестку. В соответствии с этим и готовились. В сумку старухи укладывали вкусную еду, сладости, полотенце, которое послужит ей «столом». Мешочек, который старуха брала с собой, назывался «нэт». Давали ей с собой и кумган с водой.

На свадьбе, в самый ее разгар неожиданно появлялась старуха и начинала кричать: «Во-ви-вий, молодая жена моего внука выгоняет меня, побыстрее накормите меня». Когда старуха покидала двор, ее сопро-

вождали ее братья, сестры, ее старший сын, если таковые имелись. Находившиеся во дворе люди бросались за ней, просили вернуться, но она не возвращалась. Вместе со своими спутниками она уходила в находившееся на окраине села место «Мээздах» («Красивый лес»). Все ее спутники, покинувшие двор, достигнув этого места, усаживались там, умывшись водой из кувшина, закусывали, немного посидев, возвращались, когда начинало смеркаться. Перед их возвращением родственники невестки приносили для старухи одежду, невестка добавляла свои подарки, и все это готовили, чтобы подарить бабушке. Когда бабушку приводили домой, невестка встречала ее, не выходя со двора. Со двора выходили только близкие люди невестки. Заводили ее во двор, уговаривая и произнося такие слова: «Мы не позволим нашей дочери плохо относиться к тебе». Когда бабушка входила во двор, невестка сразу же подходила к ней, обнимала ее, целовала руку, вводила в дом, усаживала на мягкую подушку. Все это время невестка не разговаривала с бабушкой. В честь бабушки устраивали веселье: сначала танцевали сопровождавшие бабушку люди, затем родственники невестки и после этого танцевали все находящиеся в комнате. После веселья накрывали стол и угощали родственников невестки.

Эту ухотившую бабушку мужа невестка называла «старшей свекровью» (гощэпашь), а мать мужа — свекровью (гуащэ). Давала новые имена золовкам. Если в доме была незамужняя золовка, ей давали имя «Девушка» (Пшьашьэ), вторую золовку называли «Стройная девушка» (Пшьэшьэ псыгъу), третью — «Маленькая красивая» (ДэхэцЫкЮ). Деверей называли: первого (старшего) — «Парень» (Шъао), второго — «Мальчик» (ШъэоцЫкЮ), третьего — «Маленький дворянин» (Оркъыжьый). Надо отметить, что новые имена для первых лиц были заранее обговорены.

Когда парень женился по договоренности с невестой или когда умыкал ее, не имело значения, — он во время свадьбы жил в семье друга «промежуточный дом». Эту семью называли «нанжьый», а этого друга называли «шьэокъот» — «друг новобрачного». Семья, в которой находился новобрачный, объявляла: «У нас появился сын». Друзья новобрачного приходили в эту семью и проводили время в веселье и радости. А когда люди, пришедшие на свадьбу, расходились, друг приводил его домой. Немного посидев, он возвращался домой, оставляя молодых наедине. Примерно через неделю после вывода невестки назначали день «проводов новобрачного». К этому дню готовились как в семье новобрачного, так и в семье друга. Молодые друзья новобрачного устраивали игрища, в семье друга накрывали стол, угощались. Когда провожали новобрачного домой, казалось, что едет свадебный кортеж. Ро-

дителей жениха и их родственников собирали в специально отведенной для этой цели комнате. В эту комнату новобрачный входил вместе со своим другом, всем находящимся в комнате молча целовал руки, потом его усаживали у дверей. Друг говорил собравшимся: «Пусть ваша невестка и ваш сын будут счастливы, здоровы, дайте нам разрешение вернуться к своим друзьям». После этого устраивали свадьбу, веселье. Немного потанцевав, усаживались за стол, раздельно мужчины и женщины. Невестка со своими сопровождающими подругами тоже присутствовала на этом веселье, но не танцевала. Эту свадьбу называли «завершающей». Утром следующего дня новобрачный просыпался в своем доме. Другу, у которого он жил во время свадьбы, он дарил комплект одежды и вместе со свадебными яствами отвозил ему домой. Начиная с этого времени семьи становились близкими родственниками.

Адыги из Косово не допускали близких отношений между женихом и невестой без записи начаха (запись о заключении брака служителями мусульманской религии), говоря, что тогда дети будут считаться незаконнорожденными. И по сей день они эту церемонию ставят выше всего при заключении брака.

Как рассказывают, начах писали за месяц или за неделю до свадьбы молодых, бывает, что пишут и в день свадьбы, большинство так и делает.

Начах пишет эфенди, как правило, с ним находятся два-три свидетеля — доверенных лица, свидетели имеются и у невесты, и у жениха. Спрашивают обе стороны, и когда молодые дают согласие на совместную жизнь, эфенди пишет начах. Свидетели обнимаются, поздравляют друг друга с установлением родства, дарят подарки эфенди и его поверенным.

Хочется подчеркнуть, что косовские адыги придерживаются этих обычаев по созданию новой семьи и после их возвращения на историческую родину, поэтому у них такие крепкие семьи.

Прочитав эти воспоминания косовских адыгов о том, какие славные адыгские свадьбы в прошлом справлялись, понимаешь, как далеки от них современные свадьбы. Сейчас вспоминают только отдельные моменты свадеб из прежних, старых времен. Даже те, которым лет по пятьдесят, не помнят, чтобы девушки и парни танцевали адыгские танцы. Если они попадали на свадьбу, то садились за стол, угощались и возвращались домой, и только женщины могли немного повеселиться. Даже не помнят те времена, когда в комнату девушки, в которой кроме нее находились ее младшая сестра или брат, приходили парни поухаживать за ней. Не помнят также, чтобы девушки давали в залог какую-нибудь вещь, потому что у них принято было устно обговаривать свои сер-

дечные дела, и они придерживались этого обычая. Раньше считали, что если родителям понравится невеста-девушка, то этого было достаточно, а теперь молодые сами выбирают друг друга. Такие случаи, как умыкание, «увоз» невесты уже не наблюдаются. Говорят, что эти обычаи исчезли уже где-то лет пятнадцать назад.

В Косово проживало очень мало адыгов, но в какой-то мере они сохранили язык, некоторые обычаи. Но, к сожалению, есть семьи, созданные между родственниками. Наукой установлено, что когда у такой изолированной маленькой народности вынуждено происходит кровосмешение, рождается немало больных детей. И такие встречаются у них.

Раньше девушки выходили замуж совсем молодыми, а сейчас считается, что женщина должна занять семью в двадцать-двадцать пять лет. Мужчины женились до тридцати-тридцати пяти лет и это не считалось, что он долго «засиделся», а сейчас, если парень не женится к тридцати годам, считается, что он «припаздывает».

Косовские адыги и адыги, проживающие в Турции, имеют одинаковые взгляды на отношение к зятям. Раньше в семье невестки устраивали «приглашение зятя» и приглашали его к себе, затем он мог посещать их по трагическому случаю или по поводу какой-нибудь радости. А теперь зятя живут в семьях жены как родные сыновья. Сейчас свадьбы устраивают в кафе, и не особенно стараются накрыть стол яствами, а как сами это они называют, готовят «сладкий стол». Желающие могут подойти к столу, перекусить, попить сладкой воды. Крепкие алкогольные напитки не ставят, поэтому не бывает пьяных. Молодые парни и девушки красиво и умело танцуют, их не приходится уговаривать — чья очередь подходит, тот выходит и танцует.

В Косово адыги играли свои свадьбы так, как те, среди которых они жили, а когда вернулись сюда, оставили их обычаи и начали устраивать в соответствии с местными адыгскими обычаями.

Например, привнесенные в их быт обычаи предварительной договоренности с девушкой они дружно отвергают. Пока жили в Косово, у них не было обычая вносить выкуп за невесту, а в настоящее время применяется. Это не более и не менее пяти тысяч рублей. Пока жили в Косово, не было обычая «тыщас» (отправлять невестку погостить к своим родителям), а сейчас есть. Надо сказать, что девушки из семей вернувшихся адыгов выходят замуж за выходцев из Турции, а парни женятся на местных девушках, выросших и воспитанных в нашей республике. После их возвращения только один из них женился на армянке. Это Хасани (Жьэу) Ахмед. Со своей семьей и двумя детьми он живет в Краснодаре.

ОБРЯДЫ СВЯЗАННЫЕ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

Подготовка женщины к родам

Издавна считалось, что чем больше в семье появляется детей, тем больше счастья в ней будет, и каждый раз радовались рождению ребенка. Адыги говорят: «Где нет детей, там нет счастья». И когда на кого-то очень сердились, то произносили такое заклятие: «Пусть Аллах сделает твою семью бездетной».

Чтобы ребенок в семье родился здоровым, предпринимали определенные меры. Если в семье не рождался ребенок, обычно в этом винили женщину. Бездетной женщине эфенди выписывал молитву, и она вместе с водой ее проглатывала. Часто бывало, что у полных женщин не рождались дети. Поэтому прилагали усилия, чтобы она похудела. Заставляли ее бегать по улицам села, когда все люди спали. Но здесь надо отметить, что если женщина не рожала детей, с ней никогда не разводились, а с ее согласия муж женился на другой и затем они совместно воспитывали детей. Лет 80 назад у жены Цея Черима Фахри не было детей. Поэтому он женился на албанке, и она родила мальчика и трех девочек. Обе жены вместе воспитывали этих детей

Когда женщина вступала в период беременности, ее очень оберегали, чтобы не сглазили, велели ей надевать широкое платье. Первые и последние три месяца ей не разрешались поездки, даже не отпускали к родителям. Иногда люди и не замечали, что женщина в положении, а она рожала ребенка. Это потому, что она носила широкое платье. Когда женщина беременела, она сообщала об этом живущим с ней в семье золовке или другой невестке. Узнав об этом, они оберегали ее от тяжелой физической работы, помогая ей в этом, старались улучшить питание, советовали ей, что можно делать, а чего — нельзя. Чтобы ребенок родился здоровым, приходилось многого остерегаться: она не должна была поднимать тяжести, нельзя было ее ругать, нервировать, ей не разрешалось сидеть на корточках, на пустом ведре, после захода

солнца не разрешали выходить со двора. Нельзя было пить воду из ведра, считалось, что когда ребенок родится, будет слюнявым и часто будет рвота. Не разрешалось пить воду из тарелки, считали, что ребенок будет «слюнявым и сопливым». Не советовали перешагивать через что-либо, чтобы не навредить ребенку. Считалось, что не к добру беременной женщине идти открывать дверь с чулком на одной ноге, говорили, что может произойти выкидыш. Не подпускали женщину к месту, где кололи дрова, говорили, что тогда ей трудно будет рожать. Не разрешали ночью одной выходить во двор, чтобы не навредили злые люди. Во все это верили и наши адыги, и те, которые живут в Турции.

Кроме этого, беременную женщину готовили к тому, чтобы ребенок родился с покладистым характером, так как считалось, что хороший характер и поступки матери через материнское молоко передаются детям. Поэтому часто наставляли ее: «Нельзя обманывать, чтобы ребенок не стал вруном», «Ничего нельзя кушать, пряча это от других, украдкой, иначе ребенок может родиться скрягой», «Нельзя воровать, ребенок станет вором». Нельзя было допускать, чтобы что-то упало за пазуху, иначе ребенок может родиться с отметиной этого предмета.

Строго следили за тем, что можно и чего нельзя кушать беременной женщине. Больше всего советовали есть фрукты, говоря, что от этого ребенок будет красивым. Давали кушать куриные крылышки, чтобы ребенок был легким по характеру. Запрещалось гораздо больше, чем разрешалось. Например, не разрешали есть куриную голову, говоря, что ребенок будет кривошеим; не разрешали есть сердце, чтобы ребенок не стал трусливым; не разрешали есть желудок, чтобы у него губы не были синими; не разрешали есть грудку, чтобы он не стал сутулым. Не давали есть рыбу, чтобы ребенок не выскальзывал из рук. Не разрешали есть зайчатину, иначе ребенок будет спать с открытыми глазами.

Вот такие наставления женщина получала до самого рождения ребенка. Несчастьем считались выкидыши у беременной женщины, рождение мертвого ребенка. Такого ребенка не разрешалось хоронить на кладбище. Надо было мертвого ребенка искупать, завернуть в белую ткань и закопать где-нибудь во дворе или огороде, но чтобы на могилу не наступали ногами. А если ребенок родился живым и сразу умер, то ему давали имя и хоронили на кладбище.

Рождение ребенка

Когда наступало время рождения ребенка, приводили опытных женщин, которые могли бы оказать помощь в трудной ситуации. Бывало, что роженице помогали невестки, золовки, а иногда даже и свекровь. Перед рождением ребенка для нее готовили комнату. Считали, что если она расположена подальше от других комнат, то лучше. Мужчины из этой семьи в это время покидали дом. С роженицей должны были оставаться две женщины, предпочтительно многодетные, добропорядочные, сердечные.

Когда начинались роды, считалось, что лучше будет для ребенка, если роженица будет лежать на соломе. Так и делали.

В семье, где должен был появиться ребенок, не делали различия мальчик ли родится или девочка, но мальчику больше радовались, поскольку считалось, что мальчик — продолжатель рода отца, а девочка будет продолжать другой род. Встречались такие, которые еще до рождения ребенка могли определить пол ребенка. Это узнавали по форме живота, по походке, по поведению беременной. Говорили, что если это мальчик, то живот более приподнят и не очень быстро растет, а если девочка, то губы у роженицы становятся пухлыми и увеличиваются ее бедра.

Кроме этого, по некоторым косвенным приметам пол ребенка определяли: желчный пузырь курицы бросали на угли, если пузырь с треском лопался, считалось, что родится мальчик, если шипел — то девочка. Говорят, что это был проверенный метод и часто подтверждался. Считалось, что если ячмень у беременной появлялся на нижнем веке, то родится девочка, если на верхнем — мальчик.

Когда ребенок должен был родиться, в доме шли приготовления: в комнату вносили один-два ведра теплой воды, ножницы, клочок верблюжьей шерсти или красные нитки, простыни для женщины. Бывало, что ребенок рождался легко и быстро, но если появлялись осложнения, принимали меры: например, роженицу усаживали в теплую воду, массировали поясницу, распускали волосы, расстегивали пуговицы на одежде, все что в доме запиралось, открывали. Помощники роженицы поднимали ее и носили по комнате, наливали в туфлю мужа воду и заставляли ее выпить, перевязывали ее талию очкуротом от брюк мужа, брали подготовленные для ребенка рубашонки и пеленки и носили по комнате, будто носят родившегося ребенка. Если все это не помогало, повитуха смазывала свои руки маслом и помогала ребенку появиться на свет.

Когда ребенок рождался, две повитухи делили свою работу. Одна из них занималась ребенком, другая роженицей.

Обрезание пуповины

Как только ребенок появлялся на свет, у него обрезали пуповину ножницами. Обрезание пуповины поручали той из женщин, которая меньше всего их обрезала. Так делали потому, что считали, если в течение своей жизни обрежешь пуповину у трех новорожденных, то попадешь в рай. От пуповины оставляли примерно на три пальца, считали, что если так сделают, то у ребенка будет красивый голос. Перевязывали остаток пуповины красной шерстяной ниткой и смазывали воском. Кровью от пуповины, если это была девочка, смазывали ее щеки и губы, считая, что девочка станет румянощекой и с алыми губами. Ножницы, которыми отрезали пуповину, клали под подушку матери, не трогали их три дня, а потом мыли их. На пупок клали пуговицу, завернутую в белую тряпочку, говорили, что это способствует тому, чтобы пупок стал красивым. Если родился мальчик, то когда пупок отпадал, его высушивали, измельчали, зашивали в кожаный мешочек. Когда парня забирала в армию, вешали ему на шею, чтобы, как считалось, пуля в него не попала. Если же это девочка, то засохший пупок вмазывали в стену мечети, считая, что она станет образованной, ученой. Или отдирали кору дерева, закладывали туда и обратно привязывали кору.

Когда отделялось детское место, его начисто промывали, заворачивали в белую тряпку и закапывали у корня дерева.

Купание новорожденного

Как только ребенок родился, его тут же купали. Температуру воды определяли с помощью локтя. Она должна была быть такой температуры, чтобы не могла ребенку навредить. Когда родители невестки впервые навещали младенца, они привозили комплект одежды той женщине, которая первой искупала его. Если на тельце ребенка имелись какие-нибудь высыпания, говорили, что, будучи беременной, женщина издала видела огонь, если в это время парни в поле жгли костер, то брали там горсть золы и высыпали ее в воду, в которой купали ребенка. Воду, в которой ребенка купали примерно раза три, давали ребенку немного ее проглотить. Воду после купания ребенка выливали в такое место, чтобы на нее не наступала нога человека. При первом купании ребенка обмывали водой три раза: первоначально попку, потом спинку, затем полоскали голову, после чего, не вытирая, промокали белой тряпочкой и заворачивали в пеленку. По поводу этой пеленки бытовало два мнения. Встречались такие люди, которые утверждали, что если новорожден-

ного завернуть в какую-нибудь старую рубашку, он долго будет жить, но при этом замечали, что затем все же надо завернуть в новое. Им казалось, что это поможет ему в будущем при необходимости и желании покупать новое. Пока ребенку не исполнится неделя, мыло не использовали, чтобы он, как считали, не стал капризным.

Заворачивать ребенка надо было в три слоя пеленок. С первой минуты рождения ребенка старались все делать так, чтобы он был красивым. Голое тельце ребенка, расслабленное после теплой воды, его ноги, руки, для того, чтобы они были красивыми, связывали особой тканью. Делали ее из шерстяных ниток: две женщины ткали ее вручную. Длинной она была в полтора-два метра, шириной — примерно в четыре пальца. Говорят, что это очень помогало, чтобы ребенок был закаленным. Эту ткань в семье готовили к рождению первого ребенка, а потом использовали и для других детей. До сорока дней ребенка купали утром и вечером, ничего не добавляя в воду. Купающие заботливо следили за тем, чтобы не оставалось невымытых частей тела, иначе его кожа могла стать уязвимой для разных кожных заболеваний. При купании ребенка следили за тем, чтобы вода не попадала в ушные раковины; чтобы стали красивыми, поглаживали брови, слегка приподнимая их вверх; чтобы был красивым нос, слегка вытягивали его; чтобы не оттопыривались уши, накладывали повязку; чтобы была аккуратной голова, надевали круглую маленькую шапочку. Если ребенок родился с золотухой на голове, до трех месяцев ее не трогали, после этого смазывали зейтуновым маслом, смягчая, и вычесывали густым гребешком. Ребенка некоторое время не одевали, но все же считалось недобрым признаком не одевать его после сорока дней. Одна из повитух, которая помогала его рождению, чтобы простроченные швы не натирали его тельце, вручную шила ему распашонку и одевала. Это должна была сделать старшая по возрасту.

Если мальчик родился «в рубашке», считалось, что ему грозит тюрьма, и поэтому огорчались, а если это была девочка, считали, что она может засидеться в девушках. Но были и такие, которые имели другой взгляд на это. Когда рождался ребенок «в рубашке», говорили: «Во время беременности женщина ела все, что ей хотелось». Если ребенок при рождении был обвит пуповиной, считали, что после него родится столько детей, сколько раз пуповина обвила ребенка. Но некоторые огорчались, считая, что после этого женщина не сможет рожать.

Лично мне кажется, что в каждой семье к этому относились по-разному, в одной семье это считалось к добру, в другой — к неприятности.

Как ухаживали за роженицей

Как только женщина рожала ребенка, их тут же сразу купали. Считали, что злые духи равнодушны к роженице и новорожденному, поэтому очень старались их оберегать. Роженица в течение сорока дней была как бы в карантине. В это время ей не разрешалось выходить из своей комнаты, некоторые рассказывали, что и мужа в это время к ней не пускали. В течение этих сорока дней ей не разрешалось доставать воду из колодца, иначе считалось, что в воде заведутся червячки, не разрешали готовить еду, месить тесто. Нельзя было босиком стать на пол, чтобы, как тогда считалось, не пропало грудное молоко. Женщина сразу после родов была очень слабой, поэтому, как только ребенок родился, ее кормили горячим супом (варили в кипятке лапшу и заправляли зажаркой из лука или готовили молочный рисовый суп). Если предполагали, что какой-то продукт плохо повлияет на грудное молоко и может повредить ребенку, ей его не разрешали есть. Например, не давали есть хлеб. Не клали в ее пищу горький перец, считая, что у ребенка могут быть высыпания на теле. Когда женщина кормила грудью ребенка, нельзя было смотреть на нее, чтобы молоко не пропало. Живот ей туго перевязывали. Все эти меры способствовали тому, чтобы быстрее восстановилось здоровье женщины.

Уход за новорожденным

Как только ребенок появлялся на свет, тут же стреляли из ружей, ребятишки бегали по соседям и родственникам и сообщали об этом, получая за это подарки. Детям обычно давали куриные яйца (не менее четырех), иногда одаривали деньгами. Считали, кто больше даст денег, тот больше всех обрадовался.

Проводили и другие обряды: например, сразу после рождения ребенка в честь него устраивали угощение с жертвоприношением (животное должно было быть четвероногим), предпочтение отдавали барашку. От этого барашка семья оставляла себе одну часть, остальные части раздавали родственникам и соседям, чтобы они молились за ребенка.

В честь новорожденного сажали плодовое дерево. Называя при этом имя ребенка, рассчитывали, что счастье его будет расти вместе с ростом дерева. Чаще всего сажали яблоню.

Если ребенок, появившись на свет, не закричал, ему в рот вдували воздух. После того, как новорожденного искупают, обрежут пуповину,

его туго пеленали и клали рядом с матерью. Сразу его не кормили грудью.

Существовало мнение, что ребенок будет здоровее, если его покормить через определенное время, равное времени для совершения трех намазов. А если ребенок не плакал, не беспокоился, его и на следующий день не кормили, вплоть до наступления времени его появления на свет. Ребенка кормили грудью до двух-трех лет, но если материнского молока не хватало, то его прикармливали. Высушенную на сковороде муку разводили молоком, смешанным с водой, добавляли сахар и варили минут двадцать. Затем кормили ребенка чайной ложечкой.

Также случалось, что женщины при родах умирали, они становились джэнэтл. Тогда осиротевшего ребенка просили кормить жившую в ауле кормящую своего ребенка женщину. По обычаям, жена без разрешения мужа не должна была никуда ходить, но в этом случае не считали неприличным, если жена уходила без ведома мужа. Она ведь ходила кормить ребенка грудью. Чтобы не сплазили, женщина при кормлении ребенка должна была чем-нибудь прикрыть грудь сверху. Говорили, что если ногой наступить на каплю молока, если оно вытекло из груди на пол, то молоко у матери пропадает.

В течение сорока дней ребенка не выносили из дома, считая, что он может заболеть. До сорока дней никому не разрешалось смотреть на него, чтобы, как считали, он вырос хорошим человеком. А если разрешат смотреть на него, видеть его, то считали, что вырастет наглым и бессовестным человеком. Считали плохой приметой, если ребенка переносили через порог до 40 дней. Не оставляли в комнате одного, чтобы он не испугался, а если вынуждены были оставить одного, то под подушку ему клали Коран и ножницы или возле его колыбельки прислоняли веник, считая, что в таком случае ангелы будут сидеть близко к нему.

Детские пеленки для просушки на ночь во дворе не оставляли: если вдруг забыли снять, то, не используя, на следующий день просушивали на солнце. Если же они промокли под дождем, их надо было снова постирать, иначе, как считали, ребенок станет косоглазым.

Когда ребенку исполнялось сорок дней, тогда его и мать можно было отпускать, они могли выходить на улицу, и люди могли свободно к ним заходить, так как считалось, что это им уже не навредит. Его выносили из комнаты, где он постоянно находился, в комнату свекрови, во двор, напутствуя: «Пусть Аллах сделает счастливым твой выход, даст тебе здоровья». С этого дня ребенок и его мать оставляли замкнутый образ жизни. В связи с этим готовили определенные вкусные блюда и всей семьей поедали их. В течение сорока дней ребенку не давали пить

воду, а с этого дня можно было поить его. Считалось, что в это время ангелы поили его водой вместе с молоком матери. А после сорока дней ребенку давали воду один раз в день.

Семье, в которой родился ребенок, приходилось выполнять много различных обрядов. Им казалось, что если их не соблюдать, это может отрицательно повлиять на здоровье и судьбу ребенка. Как только ребенок появлялся на свет, сразу же приступали к их выполнению. Выполняли определенные процедуры, связанные с уходом за ребенком: как его купать, как одевать, как поступать, когда режутся первые зубы, когда ребенку нездоровится, как готовить колыбель и другие. Как рассказывали, раньше ребенка кормили грудью примерно два-три года. Когда ребенка отнимали от груди, мать надевала платье задом наперед, чтобы ребенок не нашел грудь, или мазали сосок горьким перцем, или смешивали молотый горький перец с медом и мазали сосок: ребенок касался соска, ему было горько, и он переставал тянуться к груди.

Выбор имени

До рождения ребенка вопрос о том, как его назовут, не обсуждался, так как считалось, что злые духи могут навредить ему, но все же считалось, что если в течение семи дней после рождения ему не дадут имя, он будет несчастным. Поэтому в течение семи дней по семь раз в день произносили ему в ухо предполагаемое имя, которым хотели называть. Утверждали, что именно этим именем его будут называть, когда он предстанет перед Аллахом. Это называлось «пупочное имя». Это имя подбирали в соответствии с месяцем, днем, временем его рождения, например: Раджеб, Кадыр, Рамазан, Мухарам, Зульхидж. Бывало, что называли именем гостя, если такой появлялся в семье. Кроме этого, давали имя для повседневного употребления. Матери обычно старались не называть настоящее имя своего ребенка при людях, потому что так было принято. Поэтому часто называли ребенка именем в соответствии с его внешним видом. Тот, кто давал имя, должен был подарить ребенку комплект одежды. Это вообще адыгский обычай. В разговоре со старшими мы установили, что имена их родителей совпадали с теми, которыми называли людей в наших краях. Но довольно часто имена давались такие, какие бытовали в среде, где они жили, или по Корану. Сейчас уже начали называть Аслан, Газий и другими именами, которые имеют распространение в нашем регионе.

К выбору имени для малыша относились очень серьезно, так как считали, что счастье его будет связано с его именем. В подборе имени

отец и мать не принимали участия, считали это неприличным. Обычно имя давали старшие в роду: дедушки и бабушки со стороны отца и матери. Родственники со стороны матери могли дать имя только в том случае, если родители зятя попросят их, дадут на это право. Случалось, что ребенка называли именем добропорядочного пожилого человека, чтобы он тоже стал таковым. Для этого ходили к тому человеку и просили у него разрешения. Бывало так, что согласие давали или не давали. Когда получали согласие, то к данному имени, которым называли ребенка, добавляли слово «маленький», и так его звали на протяжении всей его жизни, до самой смерти. К примеру, если старшего звали Ахмед, то новорожденного называли Ахмед — маленький.

В селе таким именем называли третьего ребенка, тогда его называли по отчеству. Например, называли Ахмед Кадырович (Ахмед — сын Кадыра). Это все сказано относительно мужских имен. Но «пупочное имя» девочкам и мальчикам давали, чтобы их не сглазили. Часто бывало, что детей называли именами старших, умерших родственников, считая, что этим они возвращают их души. Не всегда подобранное имя подходило новорожденному. Если ребенок становился болезненным, бывало, что меняли его имя.

Если рожденные дети умирали, при рождении очередного ребенка роженицу отводили в другую комнату и там она рожала.

Кушъэапх — укладывание ребенка в колыбель

Как рассказывали нам многие, через неделю после рождения ребенка его укладывали в колыбель. Встречались однако и такие, которые рассказывали, что укладывали в колыбель через три недели, а то и через сорок дней. В этом вопросе нет определенных установок. Обычно для этого выбирали четверг или пятницу. Эти дни считались благоприятными. Если укладывали ребенка в колыбель в четверг, делали это после обеденного намаза, а если в пятницу, то перед обеденным намазом, рассчитывая, что ребенок будет в таком случае более спокойно чувствовать себя в колыбели. Если рождался первым ребенком мальчик, то семья отца должна была приготовить колыбель. А если девочка — то семья матери (ее родители), да еще должны были, приготовив все необходимое для этой церемонии, навестить ребенка. Они приносили с собой все необходимое для укладывания ребенка в колыбель, подарки для членов семьи, сладости. В набор для ребенка входило: одеяльце, подушка, колыбель (в которой должен находиться матрасик набитый половой от проса), простынка, две длинные матерчатые полоски, рас-

шитые различными узорами,— свивальни, которыми привязывают ребенка к колыбели, маленькие подушечки (их должно быть три, две одинаковые — их клали под руки, третью — на ноги, подушечки были набиты овечьей шерстью), накидка на личико, палочка, продаваемая в матерчатые свивальни, сосуд (в него ребенок испражнялся, можно еще назвать подставкой), трубочка для стекания мочи в баночку (ее делали из костей ягненка).

Считалось, что если в семье новорожденного ребенка приготовят колыбель для девочки, то последующие дети тоже будут девочками, поэтому и не готовили. Колыбель и необходимую палочку делали из дуба, считая, что ребенок проживет долго, если будет в ней лежать. Еще говорили, что не к добру срубить дерево для приготовления колыбели в четверг, считалось более благоприятным сделать это в пятницу или в понедельник после обеда, желательно осенью. Говорят, что если «срубишь дерево весной, то оно скоро начнет разрушаться». Дерево это надо было срубить на южной стороне горы. К тому же срубить должен был крепкий, здоровый, пожилой мужчина.

Если колыбель мастерили из дуба, то ножки, считалось, лучше сделать из корней боярышника. Если не могли подобрать подходящий корень, делали из ствола. Чтобы ножки не скрипели, к нижней дуге прикрепляли кожу. Говорили, что такая колыбель качается «подобно качели». При изготовлении колыбели гвозди не применялись, все скрепляли фасками и деревянными шпильками.

По внешнему виду колыбель для мальчика отличалась от колыбели для девочки. Боковые стойки колыбели для мальчика соединялись прочной деревянной дугой. Это было удобно, чтобы повесить колыбель на дерево как качели, когда ребенка приходилось брать с собой в поле. Девочек в поле с собой не брали. На колыбель для мальчика прикрепляли семейное тавро, на колыбель для девочки — полумесяц со звездой, приговаривая: «Пусть лицо ее будет светлым как луна, пусть ее звезда никогда не погаснет».

Кроме колыбели, для детей имелись и специальные лежаки-доски, детей к ним привязывали, когда надо было куда-нибудь пойти. Следует отметить, что пока ребенку не изготовили колыбель, а он беспокойно вел себя, иногда ее одалживали у соседей, но эта колыбель должна была быть такой, в которой не умер в младенчестве ребенок и выросло много здоровых детей. Если ребенка везли к родителям матери, а у них колыбели не было, то ее брали с собой. Когда ребенка первый раз укладывали в колыбель, приглашали женщин-соседей, чтобы они пообщались с гостями. Угощали их, молились Аллаху за ребенка. Ребенка в колыбель укладывала бабушка, но если бабушки не было, то отец и

мать вместе находили спокойную, степенную женщину, имеющую своих детей. Перед тем как уложить ребенка в колыбель, делали вид, что туда укладывают спать кошку, приговаривали: «Пусть спит крепко, как старая кошка, пусть будет спокойным». Считали, что колыбель — это дом ребенка, поэтому говорили: «Пусть Аллах сделает твой дом теплым, спокойным, счастливым, чтобы ты мог спокойно спать». Уложив ребенка в колыбель, подушку под голову не клали. Когда ребенка укачивали, голова его должна была болтаться. Благодаря этому голова его становилась круглой, красивой. Если голова была красивой, то и лицо становилось красивым. Недаром ведь говорят: «При круглой голове не может быть неприятного лица», «Посмотрев на макушку ребенка, видишь и его лицо». Вот такие головы и называют «адыгская голова». Чтобы ребенку было удобно в колыбели, под голову клали завернутые вместе Коран, кусочек железа и дольку чеснока. Над головой в колыбели вешали голубые бусы, а чтобы не сглазили, на лоб ребенка наносили мазок сажи.

Как рассказывают, детям пели колыбельные песни. Кто найдется из взрослых такой, кому в детстве не сочиняли и не пели колыбельные песни? Но к сожалению, они не помнят определенных колыбельных песен, но в каждой семье для ребенка сочиняли свои. Таким способом бабушки в песнях выражали то, что они желали видеть в своих внуках, когда те станут взрослыми, какими качествами и характером должны они обладать.

Обрезание ногтей

К обрезанию ногтей подходили очень серьезно. Специально для этого назначали день, считая, что лучше всего это делать в новолуние. Обычно обрезание ногтей делали тогда, когда у ребенка ногти выросли и он царапал ими свое лицо и кожу. Вечером ногти не обрезали, в чужом доме тоже это не делали, считая, что после этого сорок дней будут неудачными. Самым подходящим для этого днем считали воскресенье. Того, кто должен обрезать ногти, тоже подбирали. Чтобы обрезать ногти мальчику, подбирали доброго, спокойного, здорового парня. Для девочки подбирали хорошую, красивую, умелую женщину. У обоих должны были быть живыми родители. Ногти обрезали маленькими острыми ножничками. Начинать следовало с большого пальца правой руки. В этот же день обрезали ногти на пальцах ног. Перед тем как обрезать ногти, руки ребенка опускали в мешок с мукой, чтобы стал добрым, затем — в кошелек, чтобы стал богатым. Говорили, что

если ребенок взял деньги, то нельзя их отнимать у него, иначе он станет бедным. Обрезанные ногти несли в мечеть и вмазывали их в стену или, отодрав кору дерева, закладывали туда и снова привязывали кору. Считали, что если дерево будет хорошо расти, то и ребенок будет долго жить. Те, которые обрезали ногти, становились близкими людьми семьи, считались почти родственниками. Ребенок, став взрослым, почитал их, считал родными. И по сей день этот обычай сохранился.

Появление зубов, забота о них

Зубы начинают резаться у ребенка в возрасте шести месяцев, бывает раньше или позже. Когда режутся зубы, ребенок становится беспокойным. Если зубы очень беспокоили ребенка, чтобы они быстрее прорезались, ему давали пожевать тертый, сушеный (копченый) сыр, считая, что он снимает зуд. Как только зуб появлялся, готовили рис и ели всей семьей (называли это кушанье «щэдэс»), приговаривая, чтобы зубы выросли такими белыми, как рис, и ровными. В то время, когда начинают резаться зубы ребенка, непременно надо было ежедневно его купать и обязательно поливать голову теплой водой. Если это не делать, то ребенок якобы жалуется: «Если нет дров, пусть разобьют мою колыбель, нагрееют котел воды и искупают меня как следует, чтобы нормально прорезались зубы».

Зубки прорезались по-разному: начиналось это либо снизу, либо сверху. Если первым прорезается зуб сверху, это считалось не к добру, и если ребенку не поменять имя, то он проживет недолго, либо, став взрослым, будет испытывать много трудностей. Если первым выросстал нижний зуб, радовались все, считая, что ребенок будет здоровым и счастливым, проживет много лет. Если первый прорезавшийся зуб увидит мать, считали, что зуб будет болезненно и трудно расти, поэтому мать делала вид, что она его будто не заметила. Если же увидит кто-то другой, он должен был отнести ребенка в сарай, поставить его в коровью лепешку, затем сделать ему подарок. Когда ребенку исполнялось шесть-семь лет, зубы начинали выпадать. Выпавший зуб забрасывали на крышу дома, приговаривая: «Клык выпал, дай нам красивый зуб», «Клык — красивый зуб, пусть Аллах даст тебе зуб еще красивее». Самым лучшим считалось вырванный зуб вместе с ниткой забросить на крышу или положить в гнездо птицы. Говорили, что тогда у ребенка вновь выросшие зубы будут красивые. И надо отметить, что зубы у их детей очень красивы.

Если зуб выпадал сам по себе, его заворачивали в тряпочку, а если вырывали с помощью нитки, то вместе с ней бросали на крышу дома. Кроме матери и отца любой мог сделать это.

Уход за волосами

Волосы на голове новорожденного называли «врожденные волосы». Когда сбрасывали такие волосы, бывало, что вновь выросшие меняли свой цвет. Если ребенок родился рыжим, он затем мог стать брюнетом, или наоборот, брюнет становился рыжим, но таких было намного меньше. Волосы сбрасывали примерно в годик. Встречались такие люди, которые считали, что лучше сделать это пораньше, — ребенок будет лучше расти, его не сплазят. Но большинство все же считает, что в годик лучше, потому что окрепнет и не будет болеть нежная кожа. Назначали определенную дату для бритья головы, большинство выбирало четверг после наступления новолуния. Волосы брил обычно искусный, умелый мужчина, имеющий обоих живых родителей. Их брили острой бритвой, людям казалось, что после этого волосы, выросшие вновь, будут более густыми. Снимая волосы, приговаривали, чтобы век его был долгим, здоровье крепким, чтобы у девочки выросли длинные волосы. Как только волосы снимали, голову мыли в воде с растворенной в ней особой глиной. Это была голубая, сухими кусками, глина. Ее собирали у берега на окраине Косово. Она была очень хороша для волос, не раздражала глаза ребенка, попадая в рот, не могла ему навредить. Ее клали в тазик с водой, и когда она размягчалась, мазались ею как мылом и мылись. Когда адыги сюда вернулись, впрок привезли ее с собой и долго еще пользовались ею. Я спросила: «Это как наша голубая глина?» Они ответили, что привезли глину с берега Курджиписа, но от нее выпадают волосы. После бритья головы ее слегка смазывали растительным или свежим сливочным маслом, чтобы не раздражало кожу головы. Чтобы волосы хорошо росли, детям давали поесть определенную часть домашнего животного (шъхъацкъэгъэкI), которая способствовала их росту. Эту часть варили, и когда она становилась мягкой, расщепляли на отдельные волокна. Считалось, что нельзя разбрасывать волосы, иначе у ребенка будет часто болеть голова. Надо было волосы взвесить и по их весу такое же количество золота подарить вдове или многодетной семье.

Некоторые считали, и такие нам тоже встречались, что если волосы закопать в землю вместе с золотой или серебряной монетой, то волосы вырастут более густыми. Но надо было закопать в таком месте,

чтобы не наступать на них. Другие же имели свое мнение, и таких нам довелось встретить, они считали, что грешно закапывать волосы, лучше будет, если их вложить за отодранную кору дерева.

Льэтегъэуцу — первые шаги ребенка

Обряд первых шагов ребенка устраивали в то время, когда ребенок уже пытается делать первые шаги, так как считали, что он тогда легко пойдет, крепко будет стоять на ногах. Его обычно проводили в пятницу, в послеобеденное время. В этом обряде, как правило, участвовали лишь члены его семьи, со стороны никого не приглашали. В семье пекли много сладкой выпечки, жарили. Чаще всего готовили пидэ. Это как пирог с адыгейским сыром. Ребенка ставят ножками на эту выпечку. Затем пидэ разрезают на части, кладут в тарелку, поверх тарелки натягивают нитки, через которые ребенок должен переступить. Потом пидэ разрезают еще и кладут на эту же тарелку, а сверху тонкую палочку, после чего берут эту палочку и показывают ребенку все стороны света, говоря: «Вот дорога, и вот еще дорога». Затем пидэ из этой тарелки разносят в семь семей, подчеркивая этим, что это «еда с праздника первых шагов». Те, которых угощают, молятся за ребенка, говоря: «Пусть Аллах первые шаги ребенка сделает счастливыми». Когда ребенок начинал уже хорошо ходить, его сразу же вели в мечеть в то время, когда раздавался призыв к молитве, провозглашаемый с минарета, чтобы ребенок стал образованным.

Детские болезни

Адыги проводили определенные обряды, связанные с лечением детских болезней.

Новорожденные дети часто болели болезнью под названием «пугало для детей». У ребенка поднималась температура, текли слюни, кожа темнела. Говорили, если после этой болезни он не умрет, то будет жить долго. При этой болезни ребенка «заговаривали», читали суры из Корана, лицо закрывали куском черной материи. Помимо этого, снимали с ребенка одежду, заворачивали в нее камень и перед заходом солнца перебрасывали через крышу дома. Затем закапывали камень в землю на том месте, куда он упал. Первый заметивший эту болезнь у ребенка, снимал с себя штаны и перешагивал через ребенка три раза. Открывали окно комнаты, в которой ребенок находился, и клали ребен-

ка на подоконник. Верили, что после таких «процедур» болезнь отступит.

Дети также болели корью. Заболевшему не разрешали встречаться с другими детьми. При этой болезни поднимается температура, тело ребенка покрывается красной сыпью. Чтобы избежать осложнений, ребенка не выпускали во двор, держали его в теплой комнате, не купали, разборчиво давали пищу. Давали много сладкого, медовую воду и не давали мяса. Эта болезнь длилась три дня, и в течение трех дней сыпь пропадала, затем ребенок поправлялся. При болезни корью тело ребенка смазывали свежим бараньим мозгом. При положительной реакции через сутки ребенку становилось легче, после этого его еще трижды смазывали мозгом, и он поправлялся.

Дети болели желтухой. Полагали, что если кормящая мать имела близость с мужем и после этого, не искупавшись, покормила ребенка, то он заболел желтухой. Как только появлялись подозрения на эту болезнь, ребенка одевали во все желтое и предпринимали все меры, чтобы не было осложнений. Рано утром на рассвете, в среду, пока не взошло солнце и никто не видел, резали желтую курицу. Рыли ямку и закладывали туда все отходы от этой курицы. Мясо курицы тщательно промывали, наливали немного воды и варили его. Когда мясо было готово, ребенка досыта кормили этим супом. Все оставшееся после варки выливали в ту же ямку. Ямку закрывали и клали сверху камень. Считали, что после этого больной ребенок должен пойти на поправку. Кроме этого, давали ребенку съесть ножку той рыжей курицы. В ведро с водой опускали какую-нибудь вещицу (кулон) когда-то умершего человека и ночью выставляли так, чтобы луна осветила воду. Освещенную воду давали ребенку натошак каждое утро в течение семи дней и еще добавляли в ту воду, в которой его купали, и после всего больной быстро выздоравливал. Помимо всего этого, в среду вечером на крышу дома клали семь плодов инжира и каждое утро давали ребенку натошак съесть по одному. Верили, что это тоже поможет в лечении желтухи.

Следует отметить, что где бы ни находились адыги, лечение детей они начинали в среду, кроме этого, считали, что лунный свет способствует лечению, и еще часто упоминали число семь. Это подтверждает, что косовские адыги не переняли это от народа, среди которого они жили, а сохранили свои исконные поверья.

Часто ребенок заболел стоматитом, когда он, играя грязными игрушками, руками вносил в рот инфекцию. И от этой болезни было лечение. Волосы молодой невестки, у которой еще не исполнился год после свадьбы, протаскивали через рот ребенка, или же хвост черной кошки трижды протягивали через рот. Предполагали, что если выполнить что-то из этих двух процедур, то ребенок быстро поправится.

Если ребенок заболел свинкой, то подолом платья женщины, имеющей близнецов, трижды приподнимали подбородок ребенка. Это делалось три утра подряд. Или же варили пшеничную кашу, добавив туда масла, затем выкладывали на белую материю и оборачивали шею больного. Полагали, что после этого болезнь отступит. Кроме того, варили тыкву, в молоко опускали косичку от заплетенного чеснока, давали закипеть. Затем эти две кашицы в теплом состоянии вместе накладывали на белую тряпицу и оборачивали шею. И делали это, пока ребенок не поправлялся.

Я была удивлена, что до сих пор выполняют обряд обрезания в семьях, где имеются мальчики. Этот обряд выполнялся в период времени от трех до пятнадцати лет. День проведения обрезания для мальчиков считается самым дорогим, знаменательным днем. Раньше был определенный мужчина, который это осуществлял, его называли «джирах». Под руководством джираха эта процедура и проводилась. С джирахом договаривались о дне. Обрезание одновременно проводилось в нескольких семьях в один день, и хотя возраст у детей не совпадал, достаточно было, чтобы временной возраст позволял это. До 1990 года у косовцев обрезание производил старик-турок по имени Джелал, а после 90-х годов эту процедуру проводили в больнице. Джелал делал обрезание остро отточенным ножом, затем рану посыпал золой. Выбирали день нарастающей луны, считая, что в таком случае быстро произойдет заживление раны. К этому событию семья мальчика готовилась, приглашали эфенди, родственников и близких людей, все они приносили мальчику подарки, но чаще одаривали деньгами. Старшие в доме дарили какое-нибудь золотое украшение, которое после женитьбы парня передаривали невестке. День обрезания приравнивался к его женитьбе, поэтому старшие в семье, сомневаясь в том, смогут ли они дожить до того дня, заранее готовили невестке подарок. В семье забивали жертвенное четвероногое рогатое животное. Для мальчиков специально готовили комнату, где до выздоровления он находился. И сегодня такую комнату готовят в семье, но обрезание, как правило, проводят в больнице.

Эти старинные обряды, о которых мы говорили, и ныне мало чем отличаются друг от друга. Посещая любую семью, понимаешь, что все хорошо представляют трудности и проблемы воспитания детей и умеют со знанием дела рассказать об этом. И подтверждением этому является то, как серьезно в каждой семье к этому относятся. И до сих пор считают, что если не соблюдать эти обычаи и обряды, то это плохо скажется на состоянии здоровья, на воспитании и, вообще, на жизни их детей. Можно ли удивляться тому, что люди, пройдя через такие испытания при возвращении на историческую родину, привезли с собой са-

мое дорогое для них — колыбели, в которых выросло много детей (одну для мальчика и одну для девочки). Эти колыбели принадлежат семье Цеев. Когда Цеевы покидали землю адыгов, в этой колыбели лежал маленький Хаджимос, впоследствии основатель рода Цеев в Косово. В этой колыбели выросли Хаджимет, Ильяс, Махмуд, дети Хаджимета Юсуф, Изет, Ахмед, также Исхак Цей, привезший обратно колыбели. Как говорит Исхак, это счастливые колыбели, в них не умер ни один ребенок. Сейчас они как экспонаты выставлены в нашем республиканском национальном музее. Вскормленные в этих колыбелях дети слышали много чудесных колыбельных песен. Возможно, они наслышаны о многих тайнах адыгских женщин. Самое радостное в том, что все дети вернувшихся адыгов владеют родным языком и слушают родные адыгские песни.

ПРИЕМ ГОСТЕЙ, АДЫГСКАЯ КУХНЯ — ПЫТ

Адыги, вернувшиеся из Косово, провели в изгнании сто тридцать четыре года, перебираясь из одной страны в другую. Но в какой бы стране ни проживали, они не утратили национальные традиции, в том числе и рецепты национальных адыгских блюд, уважительное отношение к гостям и другие обычаи.

Адыги всегда отличались своей воспитанностью, обходительностью, вежливостью, и особенно это проявлялось в застольном этикете. Адыгские пословицы говорят: «Отложи угощение для гостя, не съдай его под предлогом, что давно лежит», «Глядя на то, как он ест, можно судить о человеке».

Домочадцы не всегда собирались в определенное время, чтобы сесть за стол. И другие члены семьи не ожидали отсутствующих, чтобы всем вместе приступить к трапезе. Но пока самый главный член семьи не поест, другие не садились за стол.

После того, как покормят старшего, за стол садились остальные, помладше. Дети никогда не садились вместе с отцом, если была жена, то должна была стоять около стола и ухаживать за ним пока он ест. Если жены не было, обязательно кто-то должен был прислуживать. После старшего, когда он поест, кормили парней, а женщины, девушки и дети вместе садились за стол. Вот таким образом проходили завтраки, обеды и ужины. Кормлением семьи чаще всего занималась невестка.

Основным питанием в семье обычно были первые горячие блюда, если ожидали гостей, то готовили и другие блюда.

Всегда к угощению гостей готовились очень серьезно и в зависимости от того, кто гость. Если это мужчина, готовили два-три блюда, в основном мясных. Если гость приезжал ненадолго, на один день, на стол обязательно надо было поставить суп и тушеное мясо. А если он приезжал на несколько дней (два-три дня), то еду разнообразили, но много блюд не ставили. Подчеркивая свое уважение к гостю, резали барашка, устраивали курмэн, если гость — мужчина, приглашали на угощение

несколько мужчин, если женщина — женщин. На стол в первую очередь подавали п^{ла}стэ (крутую кукурузную кашу). Перед каждым ставили тарелку с п^{ла}стэ, на которую сверху клали кусок сыра и кусок жареного мяса, затем подавали шпысы (мясной соус). Перед гостем на анэ (трехножный круглый столик) обязательно должна была стоять тарелка с половиной головы овцы, причем положить надо было ее правую половину. Гость сам раздавал части головы. Мозг считали лечебным средством, часто относили тем, у которых дома имелись больные. После этого подавали суп.

У кого останавливался гость, называли бысым (хозяин). Бысым выбирал тамаду для застолья, который не являлся членом его семьи. Это должен был быть человек из родственников или друзей, который мог бы хорошо выполнять поручения семьи, был старшим по возрасту за этим столом, умел руководить группой сидящих за этим столом и развлекать их. Постоянно около стола должен был находиться прислуживающий. Это должен был быть сравнительно молодой человек, который мог бы справиться с различными поручениями и просьбами гостей. Гостя сажали во главе стола по правую руку от тамады, старшего по возрасту — слева. Даже если гость по возрасту был младше, почитали его как старшего. Сидящие за столом не вставали, если кто-то приходил позже, но обязательно надо было сказать ему «кеблаг» (приглашение к столу). Прислуживающий находил ему место. Его усаживали на имеющееся свободное место независимо от его возраста, поскольку не положено было беспокоить, пересаживать сидящих за столом. После еды произносили соответствующую случаю молитву: «Пусть Аллах продлит годы жизни и даст крепкое здоровье хозяину дома, который нас угостил, пусть добро, исходящее от этого угощения, вернется к его детям, пусть Аллах воздаст ему гораздо больше, чем мы съели». У них не было принято, произносить тосты каждому участнику застолья. Считалось неуместным разговаривать за столом, произносить здравицы.

Как мы отмечали ранее, никогда мужчины и женщины вместе за стол не садились. Мужчины ели отдельно, женщины — отдельно, дети — тоже отдельно. Это делали потому, так как считали, что мужчины едят быстрее, а женщины медленнее, поэтому еда доставляет последним меньше удовольствия. После того, как все поедят, каждому отдельно подавали чай со сладостями.

Если гость — женщина, обычно резали курицу или индейку. Кур и индеек в каждой семье было достаточно. Мясо индейки было более предпочтительно. Птицу должен был зарезать мужчина. Перед тем как ее резать, мужчина переворачивал на голове шапку задом наперед, про-

износил молитву, чтобы это жертвоприношение принесло семье благоденствие. Окунув курицу в горячую воду, общипывали, затем осмаливали ее на огне от горящей бумаги, приговаривая: «Осмаливаем тебя до последней пушинки». Разбирали по частям курицу две женщины. Говорили, что если женщина не умеет порезать (разобрать) курицу на части, из нее не получится хорошая хозяйка. Мясо трижды промывали в чуть теплой воде, затем слегка посыпали солью, затем готовили. Из частей курицы госте подавали грудинку, окорок, ножку. Членам семьи также по-своему распределяли части птицы. Например, невесткам доставались ребра, шейки. Они говорили: «Разве мы можем съесть лучшие части курицы?». Крылья считали едой для девушек. Голову и ноги птицы выбрасывали.

Как рассказывают, в течение трех суток гостя не спрашивали по какому делу и надолго ли он прибыл, а по истечении этого времени его считали членом семьи. Так поступали, когда гость приезжал неожиданно, а когда знали, что гость должен приехать, его встречали. Если гость впервые появлялся в доме, он должен был привезти подарок (гостинцы). Например, что-то из продуктов или, если в доме был ребенок, необходимо было что-нибудь такое, чтобы порадовать его. Это прежде всего касалось гостей женского пола. Мужчины и молодые девушки ничего не привозили когда приезжали в гости.

Если в семье гостем был мужчина, отношение к нему было более почтительным. Все члены семьи суетились вокруг него, обслуживая его и угождая ему. Вместе с ним надо было угощать приглашенных в связи с его приездом родственников или соседей, умеющих общаться и способных поддержать разговор. Гостю (мужчине) прикрепляли постоянного прислуживающего из членов семьи или соседских парней, чтобы он ознакомил его с двором, следил за тем, как организован для него ночлег, выполнял все его поручения и просьбы. Прислуживающий парень мог быть моложе гостя, но должен быть расторопным, смекалистым. Если гость был мужчина, но не близкий родственник, женщины из семьи его не встречали, а если гость был из посторонних, он заходил в комнату старшей по возрасту женщины и здоровался с ней, или женщина входила в хъакъэц — кунацкую и приветствовала его, говоря: «С добрым прибытием».

Когда встретивший гостя человек приводил его в семью, они знакомились ближе. Первым делом спрашивали: «Как себя чувствуешь?» (Чаще всего так говорят женщины). Мужчины приветствовали друг друга словами: «Салам алейкум» (Мир тебе). Женщины обнимались, младшая по возрасту могла поцеловать кисть руки старшей. Мужчины, как они сами рассказывают, не зная, откуда это пришло, обнимают од-

ной рукой и одновременно касаются щеками и таким образом здороваются. Следует подчеркнуть, что словами «Салам алейкум» обменивались мужчины примерно одного возраста. Независимо от возраста бысым (хозяин) первым приветствовал гостя.

Адыги никогда неожиданному гостю не показывают вида, что его не ждали, угощают его тем, что имеется. Считается, что «не столь важно насколько ты готов угостить гостя, главное — чтобы у тебя было приветливое лицо». И сегодня косовские адыги с радостью встречают, будто ожидали тебя, и вводят в дом, приговаривая: «Будь для нас гостем, приносящим счастье». Молят Аллаха, чтобы след прибывшего гостя был счастливым. Если после гостя у них произошло радостное событие, считали, что гость принес им счастье. А если после гостя приходится отворять ворота беде, этого человека начинают сторониться.

С женщиной-гостьей обходиться было проще, потому что ею занимались женщины. Иногда для общения с ней приглашали соседок, но в честь нее не надо было резать животное. Как было сказано выше, женщина, впервые приехавшая в гости (в дом), должна была привезти гостинцы, а когда она уезжала, ей тоже надо было приготовить подарок. Чаще всего дарили изделия (собственного) личного рукоделия.

Когда я спросила, были ли у них хьакIэщ — кунацкие, они подтвердили, что были. Она представляла собой однокомнатный домик, расположенный в отдалении от основного дома семьи, перед ним стояла коновязь. Но они уже не помнят, как это называлось, некоторые говорили, что называли так: «Дерево, к которому привязывали коня». Некоторые рассказывали, что кунацкую окружала со всех сторон веранда. Некоторые говорили: «О какой кунацкой ты говоришь, если у нас самих не было обустроенного дома, но наши старики вспоминали, что слышали о кунацких на исторической родине и что в них рассказывали предания». Даже не могут описать словами, каким было обустройство внутри этих кунацких. Удалось только на основе отрывочных рассказов установить: полы были глиняные, в комнате стояла глинобитная кровать, которая была застелена покрывалом. Находились в ней матрас и подушка, но не могут вспомнить, чтобы там имелись музыкальные инструменты. На мой вопрос: «А намаз там совершали?» никто не смог ответить. Припоминают, что в селе где они проживали, только в одном дворе была кунацкая. Это был двор Жьэу. В этой кунацкой довольно высоко было вставлено окно, затянутое бычьим пузырем, чтобы комната хоть немного освещалась. На вопрос: «А кто посещал кунацкую?» ответили, что туда могли ходить и находиться там только мужчины. Навещали гостя только в том случае, если хозяин, к которому прибыл гость, приглашал их.

Гостем кунацкой мог быть только мужчина. Гостя, находившегося в кунацкой, всячески обхаживали, его приглашали и в другие семьи, угощали там. Но без согласия хозяина, чьим гостем он был, не принято было приглашать, а если приглашали к себе, то вместе с его бысымом. «Почему так поступали?» — спросила я, на что получила ответ: «Для того гостя, который меняет хозяина, режут козла». В наших краях тоже можно услышать эту старую присказку, оказывается, что все адыги не приемлют такой поступок. Получалось, что хозяин как следует не смог принять гостя, угостить его. Поэтому менять хозяина считалось неприличным, обидным для хозяина. К слову сказать, если гостя пригласила семья из другого села, его бысым шел вместе с ним, и они оба считались гостями.

На мой вопрос: «Гость в кунацкой ночевал один?» отвечали по-разному. Поэтому я считаю, что в этом вопросе нет ясности. «Был ли гость в кунацкой родственником или близким человеком?» — получала ответ: «Он мог быть и посторонним человеком». Но мне кажется, что чаще он мог быть не родственником, а именно посторонним человеком. Бывало, что любой человек, находясь в пути, если настигала его ночь или он вдруг почувствовал недомогание, заходил в кунацкую и оставался там. Дверь кунацкой в любое время суток всегда была открыта. Она каждый день убиралась после того, как посетители разойдутся, невестки ночью освежали в ней пол. Вспоминают, что имелись колышки, вбитые в стены кунацкой. Я спросила: «Для чего?» И они ответили так: «Когда молодежь уставала стоять, они могли за них держаться, чтобы дать ногам отдохнуть». На вопрос, отапливались ли кунацкие, ответили, что там имелись печурки из жести, скорее всего это относится к недавнему времени. Надо сказать, что по тому, как гость кунацкой ставил свою обувь, можно было определить, когда он намерен уехать. Если он ставил свою обувь перед кроватью так, чтобы он мог сразу ставить туда свои ноги, то прислуживавший за ним сообщал семье, что у гостя конь готов к дороге. И по расположению ручки подвешенного кнута бысым определял надолго ли останется гость. Спросила: «Если гость отбывал рано утром, его кормили?», ответили, что гость мог и не сказать, когда он уедет. Поэтому в кунацкую вечером приносили пищу на случай, если вдруг гость надумает уехать ранним утром. Причем такую пищу, которую можно было взять с собой в дорогу, например, копченый сыр, вяленое мясо с пастэ. «А следили ли за его одеждой?» — спросила я. Ответили: «А как же! Одежду стирали, чистили, сушили». Все это делали, пока гость спал, а проснувшись, одевался во все чистое. На вопрос: «Играли ли на гармошке для гостя?» сказали: чтобы гость не скучал, устраивали веселье, играли на гармошке, пели песни,

танцевали. После того как посторонний человек провел в кунацкой двое-трое суток, считали его гостем семьи. К семейному гостю относились теплее, со временем он им становился ближе, считали его в числе близких людей, почти родственником. Семейным гостем могли стать как мужчина, так и женщина. Но женщина никогда не останавливалась в кунацкой, и не принято было оставлять ее в одиночестве.

Чаще всего знали, что прибудет семейный гость, к его приезду готовились.

Наиболее дорогим гостем считался тот, который прибыл издалека с преодолением многих водных преград.

Гостя семьи не спрашивали, когда он уедет. В народе говорят: «Когда прибыть — дело гостя, а когда отбыть — дело хозяина». Но здесь эта поговорка не совсем к месту. Если дело хозяина отъезд гостя, может показаться, что это он решает, когда гостю надо уехать.

Семейному гостю выделяли отдельную комнату, она была частью дома, где все жили. Это была лучшая, хорошо убранная комната, так сказать, гостиная, там он и отдыхал, и спал. В первые три дня соседки хозяйки могли приносить гостю приготовленные ими угощения, а после трех дней соседи приглашали его к себе и угощали. Соседи приглашали гостя вместе с хозяином, а женщину-гостью точно так же сопровождала хозяйка. Раньше люди в гостях находились долго, бывало, что женщины проводили в гостях месяц, два, три, а все потому, что у людей не было средств для передвижения.

Случалось, что молодые девушки, будучи в гостях, находили свое счастье и выходили замуж. К девушкам-гостям приходили пообщаться парни, кроме того, их приглашали на свадьбы, если такие проходили в селе, они туда являлись вместе с хозяйкой. Таких девушек на свадьбах почитали, всячески выделяли их.

Семейный гость предварительно говорил, когда он уедет. И к его отъезду семья готовилась. За женщиной приезжали ее родственники, а если они не приезжали, то хозяйка, если у нее была такая возможность, отвозила ее домой. Девушке дарили комплект одежды, собирали подарки от родственников и соседей, и все это отвозили вместе с ней. Кроме того, для девушки в дорогу брали еду. Если за девушкой приезжали родные и отвозили ее, то хозяева провожали их до окраины села. При этом девушке говорили: «Смотри, не засиживайся дома, здесь у тебя тоже есть семья». И хотя, будучи в гостях, ничего особенного девушка для них не сделала, говорили, что она очень им помогла. Что могла сделать девушка, находясь в гостях? Она могла кроить, шить, вязать. Но домашними хозяйскими делами ей не разрешали заниматься. Если распространялась по соседям весть о том, что гостя умеет

шить, то она обшивала их, но делала это бесплатно. Свои изделия она дарила тем, кто навещал ее.

Если гость приезжал с определенной целью, он выбирал хозяином того, на помощь которого рассчитывал, и отправлялся к нему. А если хозяин не мог оказать ему помощь, то уже хозяин обращался к тому, кто может это сделать. Такие гости обычно были мужчинами: они либо искали потерявшуюся скотину, либо приезжали подыскать невесту неженатому парню. Если гость приезжал искать скотину, хозяин отправлялся с ним и помогал искать. Если приезжал подыскать невесту, хозяин становился посредником в этом деле. Такой человек гостил не более недели. Он был ближе хозяину, чем гость кунацкой, потому что сам являлся и знакомился с ним. Такому гостю обычно помогали кто чем мог, но все это делали ради хозяина этого гостя.

Следует сказать, что гость никогда не показывал вида, если ему что-то не нравилось, потому что если он, обидевшись, начнет рассказывать об этом, люди будут винить не хозяина, а именно его, гостя. Также если гость что-то сделал не так, не так поступил, хозяину никак нельзя было показывать свое недовольство.

Если такой гость, выполнив свое дело, должен был отправиться в обратный путь, хозяин провожал его до тех пор, пока гость находил себе попутчика. Рассказывают: «Какой-то мужчина прибыл в село купить зерно. Но поскольку было время, когда ощущался недостаток в зерне, гость не смог купить, поэтому хозяин поделился с гостем своим семенным зерном, отдал ему своего коня и проводил его».

Если гостю что-то понравилось, он не должен был говорить об этом, ибо у адыгов существует обычай обязательно подарить ему эту вещь, даже если придется ее снять с себя. В связи с этим считали, что лучше воздержаться от похвалы какой-либо вещи. Говорили: «Нельзя дарить коня, шапку и ружье, поэтому не положено зариться на них».

А если приезжало много гостей, чем же их кормили?

Было чем кормить. Разнообразную пищу готовили из овощей, молочных продуктов, мяса. Адыги не употребляли в пищу грибы.

Были у них такие овощные культуры: лук, чеснок, редис, перец, морковь, огурцы, капуста, свекла, картофель, тыква, арбузы, дыни, баклажаны; из зелени — кинза, петрушка. Молочные продукты: разного вида сыры (особенно любили адыгейский сыр), ряженка, кундусу, сметана, топленое молоко.

Из мяса ели говядину, баранину, козлятину, курятину, индейку, а мясо других животных не употребляли. К тому же скот и птицу должны были резать либо сам хозяин, либо любой адыг; если же резали иноверцы, то не ели, так как это считалось грехом. Из мясного фарша делались котлеты, тефтели.

Из мяса головы крупного рогатого скота делали лыбжьэ (гуляш). Очень нравился им лэпс (суп) из баранины, козлятины. Считали, что из курятины и индейки получался вкусный щыпсы. Гуси и утки не особенно нравились. Говорят: «К щыпсы надо обязательно подавать пIастэ, а употребление щыпсы с хлебом меняет его вкусовые качества. Точно так же пIастэ больше подходит к жареному мясу с подливой». Когда я спросила, едят ли они зайчатину, ответили: «Разве можно есть мясо тех, которые поедают своих детенышей? Это грех». Когда спросила насчет рыбы, сказали что только в настоящее время стали есть, а раньше не ели.

Адыги всегда хорошо вялили мясо, говорят, что очень хорошо было вялить в дымоходе, также хорошо в дымоходе было коптить адыгейский сыр, а потом досушивали его на солнце. Я спросила: «А мухи не садились?», на что ответили, что соленое ничто не может испортить.

Мясо овцы или коровы, чтобы не пропало, солили, затем опускали в колодец. Желудок, голову и ноги обрабатывали и тоже употребляли в пищу. Готовили джормэ (колбасу), требуху (рубец), жарили и ели шкварки с горячим пIастэ.

Чем бы ни кормили гостя, считалось, если не было щыпсы и пIастэ, стол для гостя был неполноценным. Они готовили щыпсы так, как готовят темиргоевцы, не добавляя приправы, а цвет получался красный и вкус сильно перченый из-за красного молотого перца. Готовили и пIастэ, и мамрыс. ПIастэ готовили из пшеницы, а мамрыс — из кукурузной крупы.

Часто употребляли в пищу рис, фасоль. Из риса варили плов, отварной рис с молоком ели летом охлажденным. Из фасоли готовили суп, щыпсы, тушили, кроме того, солили, но это была не адыгейская фасоль, а так называемая «туршешевая». Любили тыкву. Ее отваривали, жарили, тушили в казане, делали тыквенную кашу с рисом. Это все ели с кундусу, ряженкой, сметаной.

Часто употребляли свеклу: жарили, делали гыныплипс (свекольный сок), солили. Особенно любили блюда из баклажанов. У нас, жителей нашей республики, эти блюда из баклажанов совсем недавно появились в рационе. И ныне косовские адыги очень любят эти блюда. Баклажаны жарят, солят, употребляют и зимой, и летом.

Готовят они и калмыцкий чай, но не очень-то его любят. Они пьют чай с заваренными листьями из разных лекарственных трав. Варят компот из сухофруктов, готовят грушевый сок и пьют его с удовольствием.

В их рационе встречаются различные супы: мясной, рисовый, фасолевый, с домашней лапшой, с кукурузной крупой. Готовят любимое ими блюдо под названием фабэ: бросают в кипяток круглые куски теста, варят, размешивая, затем добавляют молоко. Во все эти блюда до-

бавляют молоко и заправляют зажаркой (они очень любят есть поджаренный на масле лук).

Всегда у них на столе выпечка. Из выпечки наиболее любимым, всегда находящимся на их столе является пидэ. Его нетрудно приготовить: в слоеное тесто заворачивают сыр и выпекают в печи. Бывает, что вместо сыра кладут внутрь картошку с зеленым луком, некоторые кладут мясо, но говорят, что более всего подходит сыр. Любят слоеные лепешки (пышки), часто варят ленивые вареники. Жарят щелям из пресного и дрожжевого теста. Из сладкого теста выпекают разные коржики. Жарят на сковороде халуж с сыром. Раньше готовили бахсым (буза), но не встречала, среди них человека, который помнит, как его готовить. На стол они никогда не ставят спиртное, их очень беспокоит то, что люди под влиянием спиртного допускают много предосудительных поступков.

Что касается их нынешнего питания, надо сказать, что они имеют продукты в достаточном количестве. В их огородах растут вышеперечисленные овощи, особенно горький перец. Соленый горький перец едят с каждым блюдом. Его солят в бочках, добавляя только соль. Урожая, собранного летом-осенью, хватает на всю зиму. Но домашнего скота, например коровы и домашней птицы, из-за отсутствия места их содержания в семьях не имеется. Людям приходится покупать на рынке молочные продукты, обычно из молока готовят сыр.

Мясо приобретают у определенных людей мусульманского происхождения. Как толькоходишь в дом, они тут же угощают чаем, кофе, всегда имеются сладкие напитки.

В большинстве семей вернувшихся адыгов сами выпекают хлеб, но адыгейские дрожжи не добавляют, поэтому их хлеб быстро черствеет.

Сегодня в каждом доме гостя угощают различными блюдами: пловом, тушеным мясом, щипсом, супом. На стол выставляют много различных салатов, сладостей, выпечки. Все это позволяет нам сделать вывод: в какой бы стране на протяжении многих лет адыги ни находились, они не утратили рецепты национальных блюд, и это помогло им выжить, сохраниться как народ.

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ

Говорят, что тот кто когда-то родился, непременно должен умереть. Поэтому он старается жить так, чтобы о нем помнили и после смерти.

Косовские адыги узнают о кончине человека, когда кричат шалэ. Как только человек скончался, совершали этот обряд. Люди прислушиваются: это азан (призыв к молитве, провозглашенный с минарета) или шалэ? После шалэ семья, в которой умер человек, отворяет ворота, и там ставит стул, вешает на него полотенец; по этим признакам проходящие мимо люди узнают, что в этой семье покойник. Этот стул стоит в течение недели, и ворота тоже открыты. Передавая от одного человека к другому, сообщали о том, что состоится молитва об упокоении души усопшего. Бывает, что различают женские и мужские молитвы.

Как только человек испустит последний дух, его укладывают тут же на землю, прикладывают руки вплотную к телу по бокам, связывают ноги, подвязывают челюсть, закрывают ему глаза. Считается, что если у умершего открыты глаза, значит вскоре кто-то другой за ним последует, поэтому страшатся этого.

На голову покойницы надевают платок, не допускается, чтобы волосы ее виднелись из-под платка. Покойницу накрывают одеялом (его называют похоронным одеялом, оно имеется в каждой семье). Одеяло шелковое, не очень толстое, с белым пододеяльником, чтобы его можно было снять и постирать.

Точно таким же образом накрывают одеялом и покойника.

Поверх тела покойницы кладут ножницы, поверх тела покойника — нож, чтобы живот не вздулся. У тела женщины до выноса из дома постоянно сидят женщины, у тела мужчины — мужчины.

Тело покойника обмывают в день похорон часа за два до выноса из дома на кладбище. Его выносят из дома головой вперед в заранее подготовленное для обмывания место. Покойника несут на специальных носилках. Ставят на высоту на уровне пояса, при этом помогают родственники и соседские парни. Тело мужчины выносят мужчины, а тело

женщины, если оно не обернуто в саван, выносят женщины, поскольку в таком случае мужчинам не положено подходить к покойнице. Но все же считается допустимым, если тело вынесут мужчины- родственники и близкие покойной.

И зимой, и летом покойника обмывают во дворе. Для этого отводится специальное место в восемь метров в длину и в пять метров в ширину, это место обвешивается белыми простынями. Место это располагается в каком-нибудь дальнем углу. В этом огороженном месте землю посыпают соломой, чтобы не было грязи. Люди, которые вынесли тело из дома, укладывают его на специальную подставку для обмывания, разрезают ножницами одежду и снимают ее, если кто-то хочет оставить себе, выстирывает ее. Раньше одежду покойника кому-либо отдавали, а в наше время не отдают, остается в семье. Здесь стоит отметить, что после покойника постельное белье, одежду, подвязку под подбородок стирают две женщины. Подвязка остается в семье, а вот рукавицы, которыми пользовались при обмывании покойника, и мешочек, в котором находилось измельченное мыло, закапывают в землю. Для этого выбирают закуток, чтобы ногами не наступали на это место.

Тело покойника обмывают пять человек. У них не было определенных лиц для этого занятия, обычно это делали родственники. Но если перед смертью человек называл кого-то, чтобы он его обмыл, его просьбу непременно исполняли. Говорят, бывало, что тело мужчины приходилось обмывать эфенди, а тело женщины — жене местного эфенди. Но если она была еще молодой и у нее были месячные, то приглашали других. Например таких как: Нач Хангуащ, Жьэу Мелеч, Жьэу Фахри. За это ничего они не получали, считали, что обмывать покойника — благое дело. Нагревали примерно шесть ведер воды. Воду делали такой теплоты, в которой купался этот человек при жизни. Если оказывалось, что этого не знали, то вода должна была быть такой, какую мог терпеть локоть.

При обмывании покойника каждый из пяти выполнял свои обязанности. Один обмывал, двое поливали воду, стоя — один справа, другой — слева. Один подносит воду, другой набирает в ковш. Тело обмывали на специальной подставке, воду поливали из кувшина.

Говорят, что когда обмываешь тело, нельзя это начинать с ног, следует начинать с головы,— это считается более благим делом. Еще считают, что когда обмывают тело, не следует читать молитвы.

Тот, который обмывает тело покойника, одевает специально для этого сшитые рукавицы из белой материи. Кроме того, в небольшие матерчатые мешочки строгают отдельно один кусок туалетного и один кусок хозяйственного мыла для обмывания тела покойника.

Обмывая тело, в первую очередь трижды моют, начиная от пояса до ног, затем трижды — рот и глаза, этим покойник как бы совершает омовение перед молитвой. Потом обмывают лицо и уши по три раза. Обычно у женщин распускают волосы и моют их. После этого на правое плечо, затем на левое плечо три раза льют воду. Тело два раза натирают мылом, в третий раз смывают водой, а потом обсушивают полотенцем. Вся вода с тела покойника стекает в солому, после обмывания ее выбрасывают в мусор, но ее нельзя сжигать.

Под костные суставы, в подмышки, на глаза, в уши клали вату. На это ее требовалось около двух килограммов. Говорят, что благодаря этому «на сорок первый день части его тела распадутся безболезненно».

Те, которые обмывают тело, готовят саван: для женщины необходимо пятнадцать метров белой материи при ширине в полтора метра, для мужчины — двенадцать. Для женщины необходимо больше материи потому, что ей готовят три платья. Первая «рубашка короткая», до колен, вторая — до пальцев ног, называется «длинная рубашка», третья — большой саван. Все это сметывали вручную. Большой саван самый длинный: длиннее у головы и у ног на одну ладонь, чтобы затем можно было завязать. Но прежде чем завязать саван, родственникам дают возможность в последний раз взглянуть на покойника. После этого саван с двух сторон завязывали и покрывали похоронным одеялом: если это женщина, ее голову укрывали платком, если мужчина — клали шапочку-феску, это для того, чтобы люди знали, чье это тело.

Подготовленного таким образом покойника выносили с места, где обмывали, и укладывали во дворе у фасада дома на какой-нибудь подставке. У тела женщины стоят женщины, у тела мужчины — мужчины.

После пяти часов вечера хоронить покойника нельзя. Если человек умирал утром, его хоронили в этот же день, а если умирал вечером, оставляли в доме на ночь, и на следующий день хоронили. Считалось большим грехом долго не хоронить покойника, чем быстрее похоронишь, тем большее благо.

Когда покойник был готов к погребению, его выносили со двора. При этом не плачут, не причитают, все женщины провожают его до ворот. Мужчины, подняв на плечи носилки с телом, уходят, ворота двора, из которого вынесли покойника, закрывают, все женщины, оставшиеся во дворе, садятся на корточки, читают молитву для упокоения души усопшего, просят Аллаха сделать его могилу светлой. Потом встают, входят в дом, оплакивают умершего, читают для него Коран. Покойника несут мужчины головой к кладбищу, желая сделать благое дело, носильщики стараются часто меняться. Становятся с двух сторон по два

человека и подставляют свое плечо под носилки. Эти мужчины должны быть примерно одного роста — тогда это помогает более удобно и быстрее донести тело до кладбища.

Когда тело покойника несут на кладбище, а мечеть находится недалеко от дома, подносят его к мечети, ставят носилки на какую-нибудь подставку, оставляют при нем одного человека. Остальные мужчины входят в мечеть и совершают очередной по времени намаз. После совершения намаза покойника несут на кладбище. Там совершают джиназ — намаз над покойником.

Когда на кладбище несут покойника, его сопровождают только мужчины, шествуя неторопливо. На кладбище берут с собой сосуд с водой и полотенце. Этот сосуд, накрытый полотенцем, дает семья покойника. После погребения могилу покойника сверху поливают водой, затем полотенце и кувшин отдают кому-нибудь, ибо говорят: «Это очень благое дело, а домой отнести — грешно».

Прежде чем копать могилу, каким-нибудь длинным шестом измеряют рост покойника. Могилу копают длиннее на две ладони с двух сторон — от головы и от ног. Ширина могилы — чуть больше метра. Глубина могилы для мужчины — до пояса, а для женщины — по грудь. Женщину помещают глубже, потому что говорят, что она более пуглива. В подготовленную могилу с опущенным в нее телом спускаются два человека: если есть сын, то он спускается, если несколько сыновей, то старший из них, если есть брат, то он тоже туда спускается. Если покойница, то спускается отец, если он есть у нее, и брат. Когда хоронят женщину — мужу не положено спускаться, это считается грехом. Когда нет таких родственников, опускают тело с помощью полотенца. Связывают два полотенца, впереди и сзади становятся два человека и опускают покойника в могилу. Когда хоронили таким способом, очень сочувствовали, что у покойника нет близких родственников.

Покойника помещают в могилу головой на запад, кладут на бок, лицом будто бы обращенным в сторону Мекки. Закрывая могилу, быстро засыпали ее землей, в этом случае лопату люди не передавали из рук в руки, а клали на землю, другие заменяющие их брали ее с земли. Засыпав могилу и подправив аккуратно ее лопатой, громко читают суры из Корана, сидя на корточках, молятся Аллаху.

Когда мужчины возвращаются, похоронив покойника, находящиеся дома женщины могут в голос плакать, но так как плакать в голос считается грешно, они обычно плачут тихо.

По возвращении мужчин с кладбища молодые женщины принимаются накрывать столы, чтобы их покормить. Здесь следует отметить, что некоторые мужчины, бывшие на кладбище, могут не вернуться в

дом покойника и разойтись по своим делам, но большинство возвращаются в дом. Молодые парни помогают при кормлении вернувшихся мужчин.

В доме, где находился покойник, не разводят огонь, не готовят пищу. Всю еду приносят соседи и кормят находящихся в доме людей. В доме покойника людей кормят в день похорон, но мужчин уводят в другой дом и там кормят, а женщины остаются в комнате, где лежал покойник, и здесь едят, считают, что это — благое дело.

После похорон на второй день мужчины-родственники ходят на кладбище. Только они могут посещать кладбище еще в день Бирама, чтобы помолиться за души своих близких усопших.

Считается неприличным появляться на похоронах в яркой цветной одежде. Не придают значения тому, мужчина в головном уборе или нет, но считается грехом быть в рубашке с короткими рукавами. Мужчины считают неприличным появиться на поминальном намазе без головного убора, поэтому приносят в карманах шапочки типа фески и затем надевают их. Ни одна женщина не ходит на похороны без платка и в платье с короткими рукавами, такого никогда не бывает, потому что считается очень неприличным. У адыгов принято ходить на похороны, внешним видом и выражением лица показывая, что всей душой разделяешь горе семьи покойника. Ни одна уважающая себя и обычаи народа женщина не явится на похороны накрашенная. Не принято также, идя на похороны, надевать новую одежду. Говорят, что тогда новое платье впоследствии становится траурной одеждой.

В доме, где находится покойник, как правило, остаются женщины. Они приходят сюда выразить свое соболезнование. Если покойник — мужчина, пока он лежит дома, у его тела постоянно находятся мужчины, которые являются его родственниками, близкими. Женщин среди них не бывает.

Ворота и у соседей также открыты, там стоит стул с висящим на нем полотенцем, и в доме у них находятся люди, близкие родственники главы семьи. Это мужчины рода. К ним также идут люди, чтобы выразить соболезнование. Вот так разделяют горе утраты и соседи. Хозяева этого дома также кормят проходящих и приезжающих. Пока женщины сидят у тела покойника, мужчины находятся в доме соседа, там им и приносят соболезнование. Мужчины приходят группами, старший из них выражает соболезнование, а те, чей родственник умер, молятся об умершем, чтобы Аллах простил ему все его прегрешения, чтобы сделал светлой его могилу, чтобы тот попал в рай. После этого все уходят во двор и стоят там.

Женщины идут на похороны группами в несколько человек, со старшей во главе они входят в дом. Покойник лежит на полу, около него сидят родственники и близкие люди. Старший из родственников сидит у изголовья, с него и начинают выражать соболезнования. Пожилые люди из числа тех, кому выражают соболезнования, обычно сидят, а более молодые встают и принимают слова соболезнования стоя. Пожимая руки и слегка обнимая за плечи, произносят:

Пусть Аллах простит ему грехи,
Пусть Аллах даст ему рай,
Пусть Аллах сведет вас в раю!

А в ответ им говорят: «Пусть Аллах сделает ваши поступки добрыми, дай вам Бог крепкого здоровья». Люди, пришедшие с соболезнованиями, долго не сидят, но если попали в обеденное время, их не отпускают, не накормив.

Идущие соболезновать ничего не несут с собой, кроме продуктов. Не положено приносить и материю на саван.

Точно так же, как и женщины, в отдельной комнате сидят и мужчины постарше, родственники и близкие покойного. При соболезновании пожилые и старики сидят, молодые встают. Мужчины обмениваются рукопожатиями. Говорят: «Когда возвращаешься с соболезнования, нельзя ни к кому заходить в гости в дом, ни к больному, чтобы навесить его», «Когда уходишь с похорон, надо сначала плеснуть в лицо водой». Пришедших на похороны при уходе не провожают, но соседи всегда могут их немного проводить. Имеющие возможность по своему желанию, придя на соболезнование, могут принести с собой что-нибудь: кофе, чай, деньги, сладости.

У косовских адыгов не принято выкладывать на показ одежду покойного и сидеть рядом с ней. У них нет обычая раздавать одежду покойного. Одежду покойного отдают родственникам и донашивают ее. Если умершая — женщина и у нее было много головных платков, их раздавали пожилым родственницам и соседкам.

Головной убор покойного донашивает сын, если есть такой, или же отдают какому-нибудь старику. Трость умершего пожилого человека оставляют дома, чтобы потом член семьи, постарев, мог ею пользоваться.

Четки также остаются в семье, если кто-то совершает намаз, то пользуется ими.

Траур обычно длится неделю. Чтобы получилось благое дело, проводят моление, приглашают людей и кормят их. После семи дней зак-

рывают ворота, убирают со двора соседа длинные скамейки, на которых сидели приходящие туда мужчины. Как нам сказали, у них не отмечают сорок дней, но считая, что на сорок первый день тело начинает разлагаться, читают Коран, собираются некоторые родственники, помнящие о покойном, ставят что есть на стол, но специально не готовят. Годовщину у них тоже не отмечают, но все же в этот день собираются близкие родственники, показывая тем самым, что помнят умершего, читают Коран, просят в молитвах Аллаха, чтобы он сделал могилу покинувшего этот свет человека светлой.

Не помнят случая, чтобы женщина, потеряв мужа, вторично вышла замуж менее чем через два года после его смерти, да и вообще мало было таких, которые выходили вторично замуж.

Мужчины тоже вскоре вторично не женились. В доме, в котором умер человек, свадьбы в скором времени не устраивали. А если мужчина вторично женится, в день его женитьбы на могилу его умершей жены льют воду, ибо считают, что в это время могила горит, душа умершей страдает. Этот обычай бытует у всех адыгов, где бы они ни проживали.

В прежние времена старушки загодя готовили для себя материю для савана и хранили ее. Это была белая материя пятнадцати метров длины. Там же хранили мыло, вату, нитки и новую иглу. И до сих пор есть пожилые женщины, которые поступают таким же образом. Встречались мне старушки, которые говорили: «Хотя я и не знаю день своей смерти, но когда-нибудь умру, поэтому подготовила все, чтобы в день моей смерти семья не беспокоилась».

Надо сказать, что лишения и трудности, перенесенные косовскими адыгами, сделали их сердца выносливыми. С каждым пережитыми трудностями они теряли людей и видели все это воочию. Взрослые и дети, мужчины и женщины переносят горе достойно, не причитают и не голосят. Это вовсе не значит, что у них не болит душа, но они считают так: «Надо терпеть то, что Аллах на тебя возлагает, невозможное переносить он не заставит», «Умерший покинул свое временное местопребывание и отправился на свое вечное местопребывание». Они очень верят в загробный мир и говорят: «Что бы ты ни говорил, что бы ни делал, надо всегда помнить о том, что ты смертен, на том свете с тебя многое спросят, чтобы ты мог приобрести место в раю».

Как человек проживает свою жизнь на этом свете, таким он и умирает. Говорят, что существует 101 причина смерти, и если человек был нечестным, коварным, изменником и предателем, тогда Аллах посылает ему самую труднопереносимую смерть. Еще говорят, что самая лучшая смерть, это смерть в своей постели, когда у изголовья стоят близ-

кие тебе люди. Я встречала таких людей, которые завидовали такой смерти.

Рассказывают, как люди завидовали тем, кого убила молния, говорят, что его семье оказывали помощь, всячески ее оберегали. Все с единым душем рассказывают, какая легкая смерть была у Хасани (Жьэу) Юсуфа. Жители села называли его Халэл за его добродушие: лицо его излучало свет, любил шутки, ни хитрости, ни лукавства в его характере не было. Юсуф примерно на 60-м году жизни отправился в Мекку и там скончался. Это считается большим счастьем, тех, кто отправился в Мекку и не вернулся, называют «святыми».

Говорят, что для таких умерших местом обиталища становится рай. Как утверждает исламская религия, такой человек может способствовать тому, чтобы семьдесят человек могли попасть в рай благодаря ему.

Похоронные обряды у косовских адыгов находятся под большим влиянием религии. Например, свидетельством этому служит то, что они считают благом как можно быстрее похоронить покойника, что в доме покойника нельзя разводить огонь для приготовления пищи и другие традиции и обычаи.

Вернувшиеся из Косово недалеко от Мафэхабля имеют свое кладбище. С 1998 года умерло пять человек. Это Жьэу Шаип, Цей Адий, Жьэу Рифат (их похоронили на кладбище Мафэхабля), Тугуз Ахмед и Абадзе Решад (их похоронили на адыгейском кладбище Майкопа). Я желаю их родственникам, чтобы эти горькие потери были последними для них, чтобы после их смерти счастье сопутствовало оставшимся в живых.

ЗНАХАРИ, БОЛЕЗНИ, ЛЕКАРСТВА

У косовских адыгов, перенесших много горя при переселении, случилось много болезней. И они сами изыскивали способы их лечения. Они могли находить среди трав, растущих в поле, лечебные. Людей, обладавших такими способностями, они вспоминают с благодарностью, помнят их поименно.

Среди них особо выделяют Махоша Дауда. Он мог лечить много болезней. Особенно он оказывал неоценимую помощь при различных переломах. Если у человека было сломано ребро, он, взяв ребро у жеребенка, мог заменить им человеческое, вставлял его и зашивал. Когда он этим занимался, использовал как подсобные средства яйца и мыло. Он мог удалить пули у раненого человека. Например, он, удалив пулю из шеи албанца Мустафы сына Хасана, спас его от смерти.

Очень хорошо Дауд пускал кровь. Для этого у него были необходимые инструменты. Весной он начинал объезжать село и выявлять больных, пускал у них кровь, набирал эту кровь в стакан, который был при нем, затем закапывал эту кровь в землю.

Изготавливал также лекарство от костоеда (волоса). Для этого он высушивал болотную траву кирказон, в истолченном виде смешивал его с медом и медным купоросом. Эту мазь он наносил на больное место, и все заживало. Дауд излечивал и такую болезнь, как краснуха. Готовил мазь на топленом масле для заживления ран. Нужная трава растет в июле. Он собирал ее, сушил, клал в топленое масло и кипятил, затем накладывал на рану.

Когда лечил экзему, точно так же пользовался этой травой. Он смешивал ее с желтком яйца, смазывал больное место — и человек поправлялся.

Чтобы раны не загноились, Дауд перевязывал их края нитками из конопли. Когда рана заживала, нитки удаляли. Все эти болезни, о которых мы говорили выше, лечил и сын Махоша Дауда Хасан. Можно сказать, что отец научил Хасана почти всему, что сам знал и умел делать.

Хасан возвратился сюда, но ненадолго. Прожив здесь немного, вернулся обратно в Косово. Он всегда говорил, что все мы вернемся в «Черкестан». Иногда он вдруг говорил о том, что может произойти в дальнейшем. Все время говорил, что у них будут «небесные» телефоны. Наверное, это нынешние сотовые телефоны.

Из знахарей, которых люди еще помнят, были отец и сын Хацуко Мустафа и Шалих. Они удаляли зубы.

Цей Осман лечил кровопусканием.

Косовские адыги наиболее часто для лечения разных болезней использовали пиявок. В теплый день отправлялись в близлежащие плавни, собирали их в сито и приносили. Сначала чем-нибудь мутили воду, затем опускали туда сито и собирали в него пиявок, затем помещали их в какой-нибудь сосуд и приносили домой. Пиявок ставили в теплое, но не затененное от солнца место, они должны были находиться в чистой воде. И еще говорили, что пиявок в лечебных целях лучше использовать весной, в тот период, когда луна убывает.

Пиявки плохо присасываются зимой в январе и летом в июле. Также подбирали наиболее благоприятные дни для использования пиявок. Благоприятными днями считались четверг, воскресенье, понедельник. Говорили: «Пиявки хорошо высасывают кровь в погожее раннее утро».

Вспоминают вот такой случай, связанный с использованием пиявок. Мальчик Мурат Цей упал с дерева и у него была травмирована нога. Врачи сказали его родителям, что надо ампутировать ногу. Когда собирались отвезти его в больницу, к мальчику зашла старуха из рода Цеев Хангуаш (никто не помнит, чтобы кто-то прожил больше нее — 108 лет), которая не позволила везти Мурата в больницу. Она трижды посадила на его ногу примерно по сто пиявок, и нога зажила. До сих пор Мурат, оставшись в Косово, живет там и работает.

Никто не мог превзойти Цей (Жьэу) Адие по применению в лечении болезней пиявок, очень часто и умело она их использовала. Когда женщины заболели маститом, она лечила их пиявками.

Она ставила пиявки на грудь с помощью маленького наперстка на пятнадцать-двадцать минут, сами пиявки тоже больше не держались. После пиявок она прокалывала колючкой с алычи и выпускала свернувшуюся кровь. Через два-три дня лечения пиявками и накладывания при этом на ранку тряпочки гной выходил и больная поправлялась. Затем этих пиявок она опускала в золу, чтобы потом, когда они там из себя выпустят кровь, вновь их использовать. В настоящее время медицина не рекомендует дважды использовать пиявок во избежание передачи инфекционных болезней.

Вспоминают как излечивали больного оспой. Больше всего в этом помогало использование кукурузной муки. Когда ее посыпали сверху на

оспинки, они подсыхали. Могли лечить и унять боль при псориазе. Ту же кукурузную муку смешивали со свежим мозгом из головы барана и смазывали раны.

Устраивали чапшэ — вечеринки больному с переломами, не давали ему спать, чтобы он во сне не вздрогнул и не повредил склеенную и перевязанную кость. Комнату, в которой устраивали чапшэ, белили в синий цвет. Если была зима, больной находился в доме, а если лето, то, бывало, что вечеринку устраивали и во дворе.

Вспоминают, как у входа в дом по наковальне стучали молотком, чтобы отпугнуть болезнь. Чапшэ чаще всего устраивали для мужчин. И преимущественно мужчины принимали участие в этом. Подвязывали высоко к потолку на длинной веревке сухую жесткую, довольно толстую лепешку, которую изготавливали из крутого пресного теста и пекли ее в печи. Раскручивали и раскачивали веревку из стороны в сторону, и надо было без помощи рук изловчиться и попытаться откусить от нее, поймав ее зубами. Многие разбивали себе губы, бывало, что и зубы себе выбивали. Лепешка вся была утыкана острыми выступами. При каждой попытке откусить от нее она больно ударяла по деснам. На чапшэ были и другие игрища, шутки, веселые розыгрыши, танцы.

Устраивали чапшэ и для тех, кого ужалила змея. Говорили, что змея возвращается к тому, кого ужалила, чтобы облизать место укуса, поэтому подстерегали змею. Ужаленного держали в подвешенном положении, несколько раз переносили из одного места на другое, протягивали его ногу через расколотое дерево и привязывали там петуха, чтобы он закричал, когда появится змея. Все эти обряды во все времена и во всех местах проживания адыги выполняли, веря в их действенность. Но я не считаю, что мероприятия, проводимые при ужалении змеи, можно назвать чапшэми — вечеринками в честь больного.

Помнят они, что у них были гармонисты, с помощью которых они находили тела утопленников. В реке, у которой они жили (Лаба), каждый год тонуло два-три человека. Когда случалось, что человек утонул, люди брали с собой гармониста и ходили с музыкой по берегу Лабы. Когда доходили до места, где находился утопленник, гармонь сбивалась с играемой мелодии, слышался треск «гырк», после трехкратного такого звука входили в реку и находили утопленника. Гармонист обязательно должен быть умелым. Мелодия, которую он наигрывал, называлась «Псыхагъэ» («Песня утопленника»).

Как известно, у некоторых людей появляются бородавки. Их тоже удаляли. Каждый, у кого появлялись бородавки, отсчитывал семь фасолинок и клал их в саван покойника, а потом покойника хоронили вместе с ними. И бородавки бесследно исчезали. Другой способ состоял в

том, что колючкой от боярышника обводили бородавку, затем резали эти колючки длиной в размер бородавок, сушили их и после того, как эти кусочки высохнут, бородавки исчезали.

Весной до раската первого грома ели крапиву с целью очищения крови. Говорят, что это помогало.

Люди, у которых болели суставы, впервые услышав раскаты грома, трижды кувыркались на том месте, где они находились в тот момент. Им казалось, что это снимает боль в суставах, излечивает их.

Если у человека появлялся ячмень, то это место прогревали, прикладывая хлеб, потом этот же кусок хлеба отдавали съесть собаке. Это делали в среду утром. К следующей среде ячмень исчезал, и больной забывал о нем.

Человека, заболевшего чесоткой, купали в воде с золой.

Лишай смазывали свежим мозгом из головы барашка. Держали так в течение двадцати четырех часов. Если это помогало, то эту процедуру проводили три раза, и человек поправлялся.

Рассказывают, что боли в почках, в животе лечил человек, который освободил лягушку от змеи. Об этом мы слышали и в Турции.

Говорят, чтобы ускорить излечение от болезни, некоторые добровольно исключали из своего рациона определенные продукты, не одалживали никому определенные предметы быта. Давали обет, говоря: «Если вылечусь, то до самой смерти такого-то человека (называя имя этого человека) не буду есть такую-то часть (курицы или какого-то домашнего животного).

Вот такими способами и лекарствами адыги из Косово оберегали свое здоровье.

МОЛЕНИЕ ПРИ ЗАСУХЕ

Общеизвестно, что вода — это жизнь для всего живого.

Косовские адыги всегда жили плодами своего физического труда, все, что они производили, служило им и питанием, и кровом, и всем тем, что им было необходимо для жизни. Собираемый ими урожай зависел от погоды, от состояния природы. Конечный результат их работы напрямую зависел от того, дождливая ли была погода или была засуха.

Когда устанавливалась засушливая погода, они проводили некоторые обряды, которые, как они говорят, приносили желаемый результат. Если долго не было дождя, они выходили на берег реки и читали молитвы, с настоятельной просьбой обращаясь к Аллаху ниспослать им дождь. И взрослые, и дети — все принимали в этом участие. Назначали определенный день, обычно пятницу, и оповещали людей о молении. Те, кто принимал участие в молении, приносили с собой еду, ели там же, в реку бросали кусочки измельченного свежего сыра, после того, как поели, все входили в воду прямо в одежде и купались. При этом просили Аллаха в молитвах: «Пусть Аллах этот день сделает для нас благодатным». Выйдя из воды, начинали собирать камешки. Этих камешков размером примерно в зерно кукурузы собирали полные мешки. Прежде чем камешки поместить в мешок, их пересчитывали, говорили, что нельзя потерять ни один из них, это не к добру. Таких мешков было от трех до пяти. Потом эти камешки по одному вынимали из мешка, произносили молитву и клали обратно в тот же мешок. Это делали после обеденного намаза. Мужчины — в мечети, женщины — дома читали Коран. Затем эти камешки, над которыми произнесены молитвы, в нескольких мешках несли к реке и, чтобы Лаба их не унесла, опускали глубоко на дно, оставляя там. Как только мешки опускали на дно реки, начинал идти дождь. Когда считали, что дождя выпало вполне достаточно, шли к реке, доставали эти мешки, несли их в мечеть и складывали там. И каждый раз, когда долго не было дождя, эти же мешки с камнями забирала оттуда, проводили те же обряды, о которых мы выше уже говори-

ли, опускали в воду, и дождь начинался. К этим обрядам не подпускали людей, которые не сделали омовение перед молитвой, ибо считали такой поступок большим грехом.

Кроме того, когда долго не было дождя, опускали в воду веник, и дождь начинал идти. Адыги, живущие в Турции, делали так же. Когда устанавливается засуха, адыги проживающие на исконной земле, совершают обряд — хьанцегуаше: деревянную лопату, одетую в женское одеяние, водят по дворам. Такой обряд косовские адыги не проводили и вообще не имеют представления о нем. Они считают это очень греховным и отвергают его. «Богу неуютно, чтобы человеческий образ проносили по дворам, этим самым создают ему (Богу) соперника», — считают они. Даже детям зимой не позволяют лепить, как они его называют, «снежного человека», считая это большим грехом.

Когда шел проливной дождь с градом, чтобы он прекратился, первенцу мальчику давали съесть градинки, собирали их и клали ему в подмышку, чтобы они растаяли, или велели ему выбросить из дома железные печные клещи. И еще. Когда шел дождь с градом, посреди двора ставили круглый стол — Ианэ, разбрасывали на нем ложки, выбрасывали под дождь деревянные лопаты, подборки, треноги. Говорили: если появится на небе радуга, то дождь вскоре прекратится. Это к добру, к благоденствию.

Среди адыгов встречались такие, которые могли по положению луны, по состоянию небосвода, по поведению птиц и животных предсказать погоду. Например, по расположению концов молодого месяца определяли погожий ли будет наступивший месяц или дождливый. Думали: «Если концы месяца обращены вверх, будет хорошая погода, если вниз — непогода», «Если звезды очень сильно мерцают, будет дождь», «Если облака при быстром передвижении то закрывают месяц, то он вновь появляется, будет дождь», «Если птицы летают низко, опускаясь в воду и взлетая, если они при этом перекликаются звонко, если ворона громко каркает, будет дождь», «Если собака все время спит, да так, что трудно ее разбудить, будет дождь». И еще были такие семьи, в которых по косточкам куриной грудки, по их состоянию определяли, будет дождь или нет. Говорили: «Если косточка темновата, то будет дождь, если светлая — погожий день». Были и такие люди, которые за два-три дня вперед предсказывали, какая будет погода. Например, если у человека были старые раны или шрамы, перед дождем они начинали его беспокоить.

Вот такие приметы и поверья были и до сих пор есть у адыгов, переселившихся из Косово.

ПОВЕРЬЯ И ПРИМЕТЫ

Передавая от поколения к поколению некоторые поверья и приметы, удостоверившись в их действенности, люди применяли их в жизни. К примеру, все единодушно утверждают, что:

– если чешется ладонь — придут деньги, но у одних это левая, а у других правая ладонь;

– если чешется подошва ноги — отправишься в гости, а если в паре обуви одна туфля окажется сверху другой, предстоит путь-дорога;

– если чешутся губы, будешь есть вкусное или попадешь в гости и там угостят;

– если чешется переносица или перед глазами закручивается волосинка, придут гости;

– если долго сидеть задумавшись, будет гость;

– если кукарекает петух, быть гостю;

– если ребенок подметает, играя, будет гость;

– если спускается на паутинке паук, это к гостю;

– если у ребенка слюни текут или пальцами он играет своими губами, пойдет дождь;

– если ребенок, играя, надевает платок, кто-то из родственников женится или выйдет замуж;

– если при слушании каких-то новостей чихнешь, то что рассказывают — правда;

– если чешутся щеки, будешь плакать;

– если наденешь свое платье наизнанку, твое желание не исполнится;

– если при выводе невесты пойти по ее первому шагу, то скоро женишься или выйдешь замуж;

– если наденешь чулки наизнанку, задуманное не сбудется;

– если дорогу перебежит кошка, это к неудаче;

– если кричит сыч, это к молитве над покойником;

– если дергается веко, увидишь того, кого мечтал увидеть;

– если чешется в ушной раковине, будет дождь;

– если вороны в полете касаются поверхности воды, погода изменится;

– смотреть в зеркало после захода солнца не к добру;

– ребенок, который еще не говорит не должен смотреть в зеркало, не к добру, вырастет немым.

Как доказывают поверья, бытовавшие у адыгов, нет ни одной истины, не подтвержденной жизнью. Адыгские поговорки и поверья настолько правдивы, что они далеко «смотрят» вперед, у них крепкие жизненные основы, точно попадают «в цель», поэтому они живучи и время над ними не властно. Например:

– пока ребенок в твоём чреве, он твой;

– пока у тебя на коленях — только твой воспитанник;

– когда женится — однофамилец;

– когда станет жить отдельно — сосед.

– мужчина, имеющий хорошую жену, пусть больше не ходит на свадьбы, мужчина, имеющий вредную жену, пусть не ходит на соблазна;

– добрая жена — работающая;

– вредная жена — слезливая.

Часто упоминают Аллаха в своих рассуждениях:

– Аллах сказал: «Я смеюсь над теми, кто играет с чужими детьми, кто сидит, закинув ногу на ногу»;

– Аллах сказал: «Если бы я ел, я кроме хлеба и молока ничего не употреблял бы».

Поговорки — это душа, ум, сообразительность, мировоззрение, миропонимание народа. Где бы ни проживали адыги, они не утратили «духа» своих поговорок, не растеряли их и часто использовали, видимо, поэтому они дошли до наших дней.

Ошибочным будет утверждение, что у адыгов из Косово имеется много проверенных примет, которые сулят плохое.

Все, что происходит с человеком на протяжении всей его жизни, они считают проявлением воли Аллаха, очень веруют в Него, и чтобы человек в будущем не пострадал, начиная с малолетства приучают своих детей к богоугодным поступкам, правильному образу жизни, отмечая все нежелательное. Например, говорили им: «При заходе солнца нельзя спать, заболешь неизлечимой болезнью», или: «Если во время сна утром на тебя упадут лучи солнца, ухудшится зрение». Утром и вечером в семейном хозяйстве много работы. Если в это время спать, то семейные дела не продвигаются. Вечером собирали всю живность, работали в огороде, так же точно и по утрам. Когда говорили, что что-то не к добру, все, слышавшие об этом, побаивались, думая, что это может навредить здоровью. Вот в таком духе воспитывали своих детей.

Кроме того, говорили: «Если между домом, где находится покойник, и домом соседа не протекает река, в доме, где нет покойника, нельзя стирать». И этому можно найти определенное объяснение. Соседи всегда оказывали большое внимание и помощь семье, где оплакивали покойника. Дома соседей располагались близко друг от друга, между ними река не могла протекать. Если сосед затевает стирку, можно не сомневаться, что он не сможет оказать должное внимание семье, в которой оплакивают покойника. Вот поэтому так и говорили. Или говорили: «Нельзя надевать одежду, которая висела для просушки при заходе солнца, пока ее вновь не осветит солнце», «Нельзя смотреть в зеркало после захода солнца, это может навредить». Вот такие поверья и сегодня бытуют среди них, а также среди адыгов, проживающих в Турции, и среди нас, и используются как средства воспитания.

ГАДАНИЕ НА ФАСОЛИ

Косовские адыги гадание на фасоли считали греховным делом. Они говорят: «Когда человек рождается, то Аллах на его лбу пишет весь его жизненный путь, его судьбу, и если ты начнешь узнавать, что ему предстоит пройти в жизни, захочешь что-то изменить в его судьбе, Аллах гневается на тебя». Говорят-то говорят, но кому не хочется «заглянуть» в свое будущее? И если, погадав на фасоли, случится с тобой плохое, можно сказать, что это было предсказано гаданием на фасоли. А если произойдет с тобой радостное, кажется, что так и должно быть. Вот так относятся к гаданию на фасоли косовские адыги. Но, несмотря на это, они припоминают, что у них были известные гадалки. Это из рода Абадзе Гуана и из рода Махошевых Вахида. Все, что они предсказывали, сбывалось. Они могли рассказать многое. К ним обращались те, у кого пропал скот, у кого имелся больной, кто хотел узнать про свадебные дела, кто собирался в путь-дорогу, кто отправлялся служить, кто хотел знать, кому будет прибыль, а у кого потери.

Фасолинок должно быть определенное количество — сорок одна. Предупреждали: нельзя рассказывать о гадании никому. Когда сбываются предсказания, не принято было благодарить гадалку только словами, надо было оплатить. Когда гадают на фасоли, делают три ряда (сырищ). Затем в каждом ряду фасоль делят на три части.

Если в первом ряду фасолинок расположились в определенном порядке, это значит:

444 — носилки — к покойнику;

333 — добро, благоденствие, благополучие;

222 — слезы;

111 — не к добру.

Если девять фасолинок, то говорят, что это хорошо.

Если во втором ряду фасолинок лягут так:

333 — хорошо, счастье;

232 — если касается свадьбы, то хорошо, но дело затянется из-за разногласий;

- 222– слезы;
- 121– двоякое отношение к делу, быстрые крылья;
- 321 — придет к тебе гость;
- 131 — не будет препятствий в делах;
- 213 — боязнь, переживания;
- 243 — в семье будут варить мясо.

В третьем ряду так:

- 333 — к добру;
- 232 — радость у порога, все будет хорошо;
- 131 — плохо, дела затягиваются из-за разногласий;
- 222 — носилки для покойника, плохо;
- 444 — вмешиваются в дела с недобрыми целями, плохо.

Следует отметить, что гадание на фасоли в жизни косовских адыгов не занимает большое место. Они считают, что все, «что происходит и будет происходить в их жизни, в руках Аллаха, здесь невозможно ничего изменить».

ВЕРНУВШИЕСЯ СЕМЬИ¹

Первая группа переселенцев прибыла в Адыгею 1 августа 1998 года. Руководителем этой группы был Чемсо Газий. Люди этой группы всю жизнь лелеяли мечту о возвращении на свою историческую родину, на землю предков. Долгих сто тридцать четыре года они носили в своей душе эту мечту, постоянно говорили об этом. Надо сказать, что наши ответственные руководители в течение нескольких лет занимались этой проблемой. Бывший в те времена нашим первым президентом Джаримов Аслан на черкесском съезде (Международная черкесская ассоциация), состоявшемся в городе Нальчике в 1991 году, сообщил о том, что адыги, живущие в Югославии, желают вернуться на историческую родину. Тогда же на этом съезде выступил приехавший из Косово молодой человек Цей Адэм. После этого решением данного вопроса занимались в течение семи лет.

Мы назвали имена тех людей, которые непосредственно занимались вопросами переселения адыгов, проживавших в Косово, — это Джаримов Аслан, Чемсо Газий, Куек Асфар, а также Беджанов Мурат.

Когда первая группа переселенцев выехала из Югославии, там шла война, но все же до места их проживания она еще не дошла. Собравшись уехать, они немного выжидали, надеясь хоть что-то получить за нажитое имущество, получить компенсацию за имевшуюся у них землю или продать ее. Но вскоре поняли, что ничего из этого не выйдет. Каждый отъезжающий мог взять с собой багаж весом не более тридцати килограммов, и им пришлось с этим смириться. И первая группа прибыла в Майкоп. На самолете они прилетели в Минводы. Потом автобусами, выехавшими из нашей республики, их привезли сюда и поселили в помещении бывшего детского сада, расположенном на улице Ленина, 130. Их было двадцать три семьи.

¹Последовательность перечисления семей косовских адыгов мы взяли из книги Газия Чемсо «Возвращение», — Майкоп, 2000.

Первая семья — семья Абази (Беслиней) Изедина до переселения проживала в городе Милошево, состояла из шести человек. Изедин родился в 1957 году, жена его Санийе — в 1961 году. Их дочери Нурджихан — 1981 года, Нуран — 1982 года, их сыновья Недим — 1985 года, Музахид — 1988 года рождения. Сразу после переезда этой семьи им построили добротный дом в Мафэхабле. Это один из тех домов, которые построила фирма «Санэ». Они и сейчас живут на улице Косовская, 2.

Их дочь Нурджихан вышла замуж за адыгского парня из Дамаска, там она и живет. Дочь Нуран уехала к сестре, там она живет и работает.

Их сын Музахид после окончания республиканской гимназии уехал в Сирию, учится в Дамасском университете.

Вторая семья переселенцев — семья Абази (Беслиней) Садийе. Садийе родилась в 1935 году, проживала в городе Милошево. Вернулась она вместе с дочерью Санией, родившейся в 1964 году. После возвращения на историческую родину Сания вышла замуж за адыга, проживающего в Турции, и сейчас они живут в Анталии. Садийе живет в Мафэхабле на улице Российская, 7. Ее дом построен на средства фонда.

Третья семья — семья Абази (Беслиней) Абдулаха. Он родился в 1962 году. Также проживал в городе Милошево. Жена Абази Себахат родилась в 1967 году. Они приехали с дочерью Нурийе и сыном Амаром (1989, 1990 годов рождения). После переселения в 2000 году у них родился мальчик, назвали его Асланом в честь президента Джаримова. Эта семья тоже проживает в Мафэхабле на улице Косовская, 6. Их дом также построен на деньги, собранные фондом.

Четвертая переселившаяся семья — семья Хасани (Жьэу) Шаипа, он был самый старший из всех вернувшихся. Родился в 1903 году, жил в Д. Становце. Его супруга Фахрийе родилась в 1918 году. Их дочь Зулейха родилась в 1953 году, сын Мухамед — в 1968 году. Они семьей живут также в Мафэхабле по улице Мира, 5. Их дом из тех, которые построены на средства фонда. Я часто бывала в этой семье, всегда было приятно мне общаться с ними. К сожалению, главы семьи Шаипа уже нет в живых. Сегодня Фахрийе является главой семьи. Это очень приятная, спокойная, общительная женщина. Я всегда ждала встречи с ней. Она уделила мне много времени и нельзя сказать, что время потрачено зря. Мне кажется, что ее приятно радует то, что я записала ее воспоминания. Я желаю Фахрийе покоя и счастья на месте, где они поселились после переезда. Выражаю ей огромную благодарность за то, что она мне очень помогла в написании этой книги. Их сын Мухамед женился на красивой девушке Зареме (Кубова) из Хакуринохабля, воспитывают чудесного ребенка, которого назвали Мухамер. Невестка с большим уважением и почтением относится к матери и сестре Муха-

меда. Мухамед имеет высшее образование, он окончил в Иордании Аманский исламский университет. Сейчас работает во Всемирной организации исламского призыва.

Пятая семья — семья Хасани (Жьэу) Рифата. Рифат родился в 1929 году, его жена Бахрийе — в 1936 году. Они жили вдвоем в Мафэхабле на улице Российская, 8, а в Косово они проживали в Д. Становце. Их дом построен на средства фонда. В октябре 2006 года Рифат ушел из жизни и похоронен в ауле Мафэхабль.

Шестая семья — семья Хасани (Жьэу) Медиха. Родился он в 1953 году, его сестра Мурвет — в 1966 году. Они тоже жили в Д. Становце. Мурвет в Югославии первой начала обучать детей адыгейскому языку, в настоящее время она работает медицинской сестрой в поликлинике Мафэхабля. Живут они по улице Российской, дом их также построен на средства фонда.

Седьмая семья — семья Абая (Гутте) Имера. Он родился в 1951 году, жена его Мевлюде — в 1962 году. Они воспитывают трех дочерей и сына. Их дочери родились: Амина — в 1983 году, Юсра — в 1985 году, Амира — в 1987 году, их сын Харис — в 1991 году. К сожалению, с первых дней переселения они живут в помещении детского сада по улице Ленина, 130. Начатый в Мафэхабле для них дом стоит до сих пор недостроенным из-за отсутствия средств. Этот дом расположен по улице Российская, 2, но для окончания его строительства еще многое надо сделать.

Их дочь Амина уехала в Турцию и там работает. Дочь Амира, окончив республиканскую гимназию, поступила на факультет иностранных языков Адыгейского государственного университета.

Восьмая семья — семья Абая (Гутте) Рамадана, который родился в 1962 году. До переселения семья жила в Д. Становце. Он не женат, работает. Живет в Мафэхабле на улице Мира, 7. Дом его из тех, которые построены на средства фонда.

Девятая семья — это семья Батыра (Тхагушев) Османа. Осман родился в 1965 году, его супруга Мукерме — в 1971 году. До переезда сюда жили в городе Милошево. С ними приехали два их сына. Это Нермине — 1993 года, Энес — 1997 года рождения, оба учатся в республиканской гимназии. Сейчас Осман работает в турецкой фирме «Курмэл Гюл»¹, его жена — повар кафе «Дышепс». Живут на улице Косовская, 4 в Мафэхабле, в доме, построенном на средства фонда.

Десятая семья — семья Кавкази (Тугуз) Абдулаха. Его жена Мелихате родилась в 1965 году. Вместе с двумя детьми они прибыли из

¹ Курмэл-Гюл — турецкая фирма, занимающаяся изготовлением мешков в Майкопе.

города Липьян. Их дети: Бурхан — 1992 года, Орхан — 1996 года рождения. Позже, после переселения, в 2000 году у них родился мальчик, которого назвали Эрхан. С самого дня переселения по настоящее время живут в доме детского сада по улице Ленина, 130. В связи с отсутствием средств их недостроенный дом стоит на улице Российская, 1, в Мафэхабле. Внешний вид его очень приличный, но до внутренней отделки руки еще не дошли.

Одиннадцатая — семья Османи Абедина. Он родился в 1955 году, приехал из города Митровице. По национальности Абедин — албанец, а мать его турчанка. Он не знает и не понимает адыгейского языка, но его жена Чэфсере Жьэу — адыгейка, она родилась в 1964 году. Они переехали семьей с двумя маленькими девочками. Это Сара — 1988 года, Сумейа — 1993 года рождения. После переезда в 2002 году здесь у них родился мальчик. Назвали его Кадыр, поскольку родился в праздничную ночь Кадыра. Их дочь Сара учится в Адыгейском государственном университете на факультете иностранных языков. Сейчас эта семья живет в Мафэхабле на улице Косовская, 3.

Двенадцатой вернулась семья Хасани (Жьэу) Неджмедина. Его семья прибыла из Д. Становце. Жена его Сафийя родилась в 1963 году. У них один сын и две дочери. Сын Абдулах родился в 1988 году, дочери Резан — в 1995 году, Рейхан — в 1996 году. В 2004 году они всей семьей вернулись в город Митровице. Дом, предназначенный им, никак не могли закончить, сами они не имели средств для завершения, потеряв надежду, они уехали. Их семья жила в Мафэхабле на улице Российская, 8.

Тринадцатая — семья Хасани (Жьэу) Абдулаха. Родился он в 1949 году. Его семья жила в Д. Становце. Жена Ельмезе родилась в 1949 году. С ними приехали их дети: два мальчика и дочь. Их сын Йеналь родился в 1981 году, дочь Саиме — в 1982 году, сын Харун — в 1984 году. Абдулах и его дочь Саиме работают в фирме «Курмел Гюл». Сейчас они живут в Мафэхабле на улице Косовская, 7.

Четырнадцатая семья — семья Цей Искандера. Родился сам в 1949 году, его жена Цей Неджмийе — в 1955 году. Проживали они в Д. Становце. У них три сына. Все они получили высшее образование. Сын их Хиндаз родился в 1980 году. Он окончил юридический факультет Адыгейского государственного университета, сейчас работает судебным приставом. Второй сын — Бинас, 1982 года рождения, учится в филиале Кубанской государственной медицинской академии в городе Майкопе. Третий сын Умар родился в 1984 году. Он уехал в Саудовскую Аравию, чтобы получить там высшее духовное образование. Они живут в Мафэхабле на улице Косовская, 12. Их дом построен на средства Тахтамукайского района, в то время районом руководил Демчук

Николай Васильевич. До сих пор Демчук Н.В. опекает их, помогает в решении семейных, хозяйственных проблем.

Пятнадцатая семья — Цей Исхака. Родился он в 1947 году. Семья раньше жила в Д. Становце. Исхак по профессии актер, но здесь не работает. Его жена Марина родилась в 1951 году. Переехали сюда с четырьмя детьми. Сын Алкес родился в 1976 году. Учился в Нальчике, окончил Кабардино-Балкарский университет (строительный факультет). Сейчас работает в организации «Адыгпромстрой», холост. Их дочь Нефем 1978 года рождения в 2002 году окончила юридический факультет Адыгейского государственного университета, ныне работает в ГУИНе. Все переселенцы при упоминании имени этой девушки преобразуются, гордятся ею, с радостью подчеркивая, что «она во всем примерная». Дочь Ппиза родилась в 1983 году, окончила тот же факультет, что и старшая сестра, и работает судебным приставом. Сын Нарт родился в 1979 году. Он работает в Германии. И эта семья проживает в Мафэхабле на улице Косовская, 14. Их дом построен на средства Майкопского пивзавода, руководителем которого был Цей Руслан Касимович.

Шестнадцатая семья — Цей Адема. Родился он сам в 1956 году. Жили до того в Д. Становце. Жена Емине родилась в 1960 году. Приехали с дочерью и двумя сыновьями. Адем сегодня работает в фирме «Курмел Гюл». Дочь Румейсе родилась в 1987 году. В 2005 году окончила республиканскую гимназию, сегодня живет и работает в Сирии. Сын Лукман 1989 года рождения. Сейчас учится в профтехучилище на слесаря. Их сын Ильяс родился в 1993 году, учится в республиканской гимназии. Эта семья живет на улице Российская, 5 в Мафэхабле. Их дом построен на средства бизнесмена Тугуза Заудина.

Семнадцатая семья — Цей Исмаила. Он родился в 1931 году. Жены у него нет, она умерла еще до переселения. Они жили в Д. Становце. Исмаил приехал с сыном и двумя дочерьми. Сын Абдурахман родился в 1966 году, работает рабочим в троллейбусном парке. Дочь Ресмийе родилась в 1971 году. Вышла за адыгейского парня, выходца из Турции, имеет ребенка, которого называли Эльбрус. Младшая дочь Исмаила Исмийе родилась в 1976 году, она не работает. Сейчас Исмагил служит муэдзином мечети в Майкопе. Семья живет в Мафэхабле на улице Российская, 3.

Восемнадцатая семья — Цей Мусы. Муса родился в 1950 году. Его семья проживала в Д. Становце. Муса приехал сюда с матерью Адийе (Жьзу), родившейся в 1924 году. Но, к сожалению, Адийе умерла в ноябре 2005 года. Часто молюсь, чтобы Адийе попала в рай. Это была очень умная, рассудительная женщина. Считаю, что в подготовку этой книги она внесла весомый вклад. В какое бы время я ни появи-

лась в ее доме, она будто ждала меня. Она поведала мне обо всем, что знала. Как-то она мне сказала, что все время скучает по сыну и двум дочерям, которые остались в Косово, что это омрачает ее жизнь. Супруга Муссы Неджибе родилась в 1953 году. Хочу рассказать более подробно об их сыне Рэджэбе. Меня волнует, смогу ли я найти нужные слова, чтобы достойно охарактеризовать его. Он такой, про которого говорят: «на вес золота».

Маленький Рэджэб, всего 13 лет от роду, очень мечтал попасть на историческую родину, поэтому в 1994 году его привезли на учебу в Майкоп. Его приняли в республиканскую гимназию. Находясь еще в Косово, он изучал русский язык как иностранный, поэтому без особых трудностей здесь учился. На олимпиадах по адыгейскому языку и математике он занимал первые места. Окончив гимназию с золотой медалью, Рэджэб без вступительных экзаменов поступил в Адыгейский государственный университет и окончил его с отличием по специальности «Преподаватель физики». Сейчас Рэджэб работает в Государственной аттестационной службе, учится в аспирантуре по специальности «Теория языка». В июле 2005 года Рэджэб женился на Потоковой Бэле. Желаю им семейного счастья. Рэджэб оказал мне существенную помощь в сборе материала для этой книги, за это я его от всей души благодарю.

Младшая сестра Рэджэба Хамидэ (1981 года рождения) в 2004 году вышла замуж за адыга Хатко Махмета, из Турции. В 2006 году у них родилась дочь, которую назвали Халима. Надо отметить, что на праздновании в честь их возвращения Хамидэ прекрасно танцевала. Не оказалось ни одного человека, которому не понравился ее танец. Всем, которые видели ее танец, казалось, что она всю жизнь танцевала на сцене.

Еще у Цеев есть мальчик Исам, который родился в 1990 году. Он учится в республиканской гимназии. В этой семье я часто бывала, дом их уютный, светлый, гостеприимный. Семья Цея Муссы проживает в Мафэхабле на улице Мира, 1. Дом их построен на средства Майкопской кондитерской фабрики, которой в то время руководил Цей Аслан Касимович.

Девятнадцатая семья — Цея Енвера. Родился он в 1955 году, жили семьей в Д. Становце. Жена его Везира родилась в 1953 году. Приехали они с двумя сыновьями и дочерью. Инвер работает в фирме «Курмел Гюл». Их сын Иса родился в 1982 году. Он занимается дизайном и ремонтом домов. Дочь Сурийета родилась в 1984 году, учится на заочном отделении национального факультета Адыгейского государственного университета. Дочь Менсур 1990 года рождения — ученица респуб-

ликанской гимназии. Живут они в Мафэхабле на улице Косовская, 10. Их дом построен на средства фонда.

Двадцатая семья — Цея Имера. Родился он в 1962 году, семья его проживала в Д. Становце. Супруга Имера Хазбийе родилась в 1973 году, по национальности — албанка. Имеют двух дочерей и сына. Дочь Мейса — 1991 года рождения, дочь Мерсийе — 1992 года, сын Ерман, когда они приехали, был очень маленький. Из всех переехавших он был самым младшим. Бизнесмены Охтов Александр и Адамов Альберт подарили мальчику автомобиль «ВАЗ — 2106».

Девочку, родившуюся в этой семье в 2003 году, назвали Мэрджанет. Старшие дети — школьники, младшими занимается мать. Живут в Мафэхабле на улице Косовская, 8. Их дом построен на средства фонда.

Двадцать первая семья — Цея Юсуфа. Юсуф родился в 1979 году, проживал в Д. Становце. Сейчас он живет один, холост. Проживает в Мафэхабле на улице Мира, 13. Дом построен на средства фонда.

Двадцать вторая семья — Цея Махира. Махир родился в 1983 году, жил в Д. Становце. Его дом, построенный на средства фонда, расположен на улице Российской, 8 в Мафэхабле.

Двадцать третья семья — Цея Индриса. Индрис родился в 1968 году. Проживал в Д. Становце. После возвращения он женился на девушке из аула Джерокай, родившегося мальчика назвали Хазретом, в честь Совмена Хазрета. Семья Индриса живет в Мафэхабле на улице Косовская, 11.

Когда переселились косовские адыги, я помню, какой был ажиотаж, как ими занимались наши руководители, решая их бытовые вопросы, как все адыги старались им помочь. А сегодня можно сказать, что о них немного подзабыли. Некоторые из переселившихся до сих пор не имеют своего жилья, живут в доме бывшего детского сада. Могут найтись и такие, которые могут так сказать: «А сколько человек, сколько семей в Адыгее не имеют своего жилья?» Это правда. Но эти люди воспитаны в другой системе, они привыкли к другой жизни, поэтому существует опасность, что они, разочаровавшись, решат возвратиться обратно. Больше всего осталось семей из группы, которая приехала под руководством Чемсо Газия. Но все же одна семья в полном составе из-за отсутствия жилья уехала. Переселившиеся адыги трудятся, выпоняя без разбора любую работу, стараясь содержать свою семью. Их жены, как правило, не работают, занимаются семейными делами, они домохозяйки: рожают и воспитывают детей. Их дети — примерные, воспитанные, не употребляют алкоголь, не бросают свои семьи.

Можно ли сегодня быть удовлетворенным нынешним состоянием Мафэхабля или нет? По моему мнению, не совсем. По мнению многих, место, которое для него выбрали, красивое, подходящее, но мне оно не

нравится, не кажется мне удобным это место, пусть читатели со мной и не согласятся. Вблизи от аула нет никакой речки — адыги обычно так не селились, аул расположен на равнинной местности в степи, обдуваемой ветрами со всех сторон. Расположен от Майкопа не далеко и не близко, если бы их поселили ближе, было бы лучше. Из-за того, что нет нормальных дорог в самом ауле, ходишь, спотыкаясь, а после дождя «утопаешь» в грязи. Их дороги, улицы ночью не освещаются. В ауле нет детских учреждений, в дома не проведены телефоны. В Мафэхабле надо открыть начальную школу, необходим им и Дом культуры, они, правда, в силу своей воспитанности не жалуются на то, что его нет.

Их парни и девушки, все взрослые и дети с 10 лет держат уразу, совершают намаз. В пятницу в период намаза мужчины жители Мафэхабля приезжают в Майкопскую мечеть.

Переселившихся из Косово адыгов очень мало, но надо воочию видеть их человечность, доброту, благовоспитанность. Это невозможно передать словами. Благодаря их вере в Аллаха глаза их излучают свет. Поэтому я призываю нашу молодежь внимательно присмотреться к косовским адыгам, научиться у них по-другому смотреть на окружающую нас действительность.

Прибывшим второй группой адыгам пришлось добираться длинной дорогой. Их вывезли из-за начавшейся войны, но, надо сказать, что они в то время еще окончательно не решили вопрос о переселении. Многие из них попадали в ситуацию, когда их могли убить, некоторые видели своими глазами как жгли их дома, но Аллах сжалился над ними и они остались в живых. Сначала они прибыли в Стамбул. Некоторые из них хотели там остаться, но когда это не получилось, решили вернуться на родину своих предков. Руководителем этой группы был Куек Асфар. В то время он работал главным редактором газеты «Адыгэ макъ». Во второй группе было всего восемь семей. Они прибыли в Адыгею 5 мая 1999 года. На пароходе они прибыли в город Сочи, затем их доставили на автобусах в Майкоп.

Первой семьей второй группы переселившихся была семья Абази (Беслиней) Сафера. Семья была записана на имя старшего сына. Родился он в 1979 году. Мать Сафера, Ибадет, была сравнительно молода, она родилась в 1958 году. У главы семьи были братья и сестры, а росли они без отца. Сестра Сафера Меврие — 1990 года, брат Суат — 1993 года, брат Бачир — 1986 года, сестра Русие — 1981 года рождения. Жили они в Милошево. Когда их привезли, то поселили в санатории «Курджипс», выделив квартиру.

Но это были недолгие «гости», мне кажется, что они переселились не по своему желанию. Всей семьей они уехали в Турцию.

Вторая семья — Батири (Тхагуш) Имера. Имер 1955 года рождения проживал в Милошево. Он холост, занимается коммерцией, имеет дом в центре Майкопа, купленный на средства фонда.

Третьей семьей в числе переселившихся была семья Кавкази (Тугуз) Хусни. Хусни родился в 1963 году. С семьей жил в городе Липьяне. Его жена Нафие родилась в 1967 году. Их сыновья Имад — 1990 года, Суат — 1992 года рождения, они еще учатся в школе. Третий мальчик родился после переселения. Семья эта занимается коммерцией. Они имеют киоск на пересечении улиц Краснооктябрьской и Комсомольской.

Четвертая семья — Кавкази (Тугуз) Рамадана. Он сам 1977 года рождения. Его мать Сабрие родилась в 1943 году. Жили они в городе Липьяне. Мать Рамадана Сабрие уехала в Турцию и живет там, сам Рамадан до сих пор не имеет определенного места жительства: то уезжает, то приезжает обратно.

Пятая семья — Остурк Фигена (Глиш). Фиген родился в 1968 году, сам он жил в Стамбуле, родители — в Югославии. Как рассказывают, его мать проживает в Турции, в Стамбуле. После переселения Фиген прожил в Майкопе несколько лет и уехал к матери в Турцию, где ныне и живет.

Шестая семья — Цея Нухия. Родился он в 1953 году. Жил в Д. Становце. Нухий живет один в доме, построенном на средства фонда, работает строителем.

Седьмая семья — Черкези (Тугуз) Ахмеда. Родился он в 1936 году. Они жили в городе Приштине. Ахмед имел высшее образование, по нашим понятиям он мог называться кандидатом технических наук, был руководителем большого энергетического предприятия. К сожалению, здесь он долго не прожил, у него было большое сердце, что стало причиной его смерти. Жена Ахмеда Тевхиде — красивая, добрая, замечательная женщина. Она родилась в 1935 году. От Тевхиде я получила интересные сведения, много из того, что вошло в эту книгу, именно она мне рассказала. Тевхиде внешне выглядит строгой, но всегда была веселой, прекрасно играла на губной гармошке, на свадьбах часто играла танцевальные мелодии, а женщины танцевали. Я желаю ей, чтобы то время, которое она на меня потратила, добавилось к годам ее жизни.

Их сын Джелалбаяр родился в 1962 году, вместе с женой Нафие и маленькой дочерью он уехал в Турцию. Жена его албанка и не знала адыгейского языка, уехали, чтобы быть ближе к ее народу, по которому она очень скучала. А семья Тевхиде живет в Майкопе по улице Пролетарской в двухкомнатной квартире. Квартира эта приобретена на средства фонда.

Восьмая семья — Черкези (Тугуз) Мендереса. Родился он в 1955 году. Семья жила в городе Приштине. Мендерес имеет высшее техни-

ческое образование, работает в республиканском пенсионном фонде. Его супруга Незмие 1962 года рождения. В Приштине Незмие работала медицинской сестрой, но сейчас она поменяла свою профессию. Незмие работает в кафе «Дышепс», очень вкусно готовит различную выпечку. Мне приходилось бывать у Незмие дома, встречает она всегда с радостью, будто ожидала тебя. Их дочь Терека родилась в 1987 году, очень смышленная, одинаково хорошо владеет адыгейским и русским языками. Сейчас — студентка Майкопского медицинского колледжа.

Когда видишь, как многие из второй группы переселившихся уехали совсем или часто приезжают и уезжают, напрашивается вывод о том, что они не имели твердого намерения переселиться. Из второй группы переселившихся все жили в городах, вот поэтому они выбрали городские квартиры.

Третья группа переселившихся прибыла на адыгейскую землю 22 мая 1999 года. Жилье им выделили в санатории «Курджипс». Эту группу вывезли из огня войны, о трудностях, которые им пришлось преодолеть, они рассказывают со слезами на глазах. Члены этой группы не относились к тем, которые приняли твердое решение переселиться, поэтому и не попали в первую группу. Не решались расстаться со всем нажитым за всю свою жизнь — скотиной, двором, постройками (многим ведь человек обрастает за долгие годы). Трудно было все это бросить и поэтому попали в самое пекло войны. При переселении их вывозили объездными путями: вылетев на самолете из столицы Болгарии Софии, они приземлились в городе Минводы. Затем спасатели МЧС России оттуда привезли их в Майкоп, их сопровождал министр культуры Республики Адыгея Чемсо Газий.

Третья группа состояла из восемнадцати семей. Первая семья — Абай (Гутте) Мевлюде, она родилась в 1931 году, жила в Д. Становце. Сын этой женщины был в числе переселенцев первой группы. Это Абай (Гутте) Рамадан. Теперь Мевлюде вместе с сыном живет в Мафэхабле на улице Мира, 7.

Вторая семья — Абая (Махош) Хасана. Он родился в 1931 году, жил в Д. Становце. Мне лично пришлось общаться с Хасаном, это особый человек, его глаза говорили о многом. Люди, которые вернулись вместе с Хасаном, рассказывают: «Хасан неизвестно почему часто говорил, что когда-нибудь они всем поселением переселятся в Черкестан». Слыша такие слова, некоторые начинали верить, что так и будет, что они вернуться на землю предков, но другие считали: «У Хасана с головой не все в порядке», настолько они не верили в эту возможность.

Когда его спрашивали: «Хасан, откуда ты берешь такие сведения?», он отвечал: «Мне позвонили по воздушному телефону». Хасан вернул-

ся, но и здесь сердце его не нашло успокоения. Кто знает почему, может душа умершего и похороненного там его ребенка не давала ему покоя? Это трудно узнать. Вернувшись сюда, он скучал даже по кошкам, имевшимся там у него, разговаривал с ними как с детьми. Хасана отвезли в Турцию, отдали его родственникам, затем, как рассказывают, он вернулся в Косово. Недолго там прожив, Хасан умер.

Третья семья — Хасани (Жьэу) Абиде, которая родилась в 1930 году. Ее семья жила в Д. Становце. Дочери Абиде переселились в составе первой группы (см. шестую семью). С собой Абиде привезла двух дочерей. Это Незихе — 1961 года и Айше — 1970 года рождения. Переселенцы отмечают необыкновенную доброту, порядочность этой семьи. Супруг Абиде Юсуф (называли его Халэл из-за его непомерной доброты) отправился в Мекку и там умер (см. статью, посвященную похоронным обрядам, с. 59).

Дочь Абиде и Юсуфа Незихе — врач-невропатолог, работает во ВТЭК. Живет в здании детского сада по улице Ленина, 130. Абиде проживает в Мафэхабле на улице Российской.

Четвертая семья — Хасани (Жьэу) Нусрета. Нусрет 1957 года рождения, с семьей жил в Д. Становце. Его супруга Саля 1972 года рождения. Саля по национальности албанка, адыгейский язык она понимает, но разговаривать не может. Привезли с собой маленькую дочь по имени Сара, родившуюся в 1997 году. После переезда в Адыгею в 2000 году у них родилась дочь, которую назвали Нерис. Нусрет работает на хлебокомбинате, развозит хлеб по магазинам. Семья живет в Майкопе, дом их из тех, которые построены на средства фонда.

Пятая семья — Хасани (Жьэу) Энвера. Жена Энвера Мирадие родилась в 1941 году, они приехали из Д. Становце. Мирадие по национальности албанка, но знает адыгейский язык, говорит на нем. Живут они в Майкопе, в доме, построенном на средства фонда.

Шестая семья — Хасани (Жьэу) Сулеймана. Сулейман родился в 1921 году. С семьей жил в Д. Становце. Жена его Вахиде родилась в 1928 году. Их сын Эсад родился в 1958 году. Семья Сулеймана в Майкопе долго не жила, они вернулись обратно.

Седьмая семья — Бахтири (Тхагуш) Сулеймана. Семья переехала из Милошево. Его супруга — албанка. У них двое детей. Дочь Мерита родилась в 1982 году, сын Мустафа — в 1985 году. Семья эта также возвратилась в Косово.

Восьмая семья — Мусич (Жьэу) Сулеймана. Родился он в 1938 году. Сулейман с семьей прибыли из города Велика рика. Жена его Хазбие родилась в 1945 году. У них три дочери: Нуртена — 1978 года, Хамида — 1983 года, Айнур — 1984 года. И семья Сулеймана также

вернулась в Косово. К сожалению, после возвращения, недолго прожив, Сулейман ушел из жизни.

Девятая семья — Хасани (Жьэу) Ахмеда. Ахмед — старший сын тринадцатой семьи из первой группы. Родился он в 1977 году. Когда переселялась первая группа, Ахмед служил. Он имеет высшее медицинское образование, живет и работает в Краснодаре. После переселения женился на армянке, родилось двое детей.

Десятая семья — Цакая Ахмета, родившегося в 1953 году, жили в Д. Становце. Ахмет — албанец, но считает себя адыгейцем, хотя и не знает адыгейского языка. Ахмет по внешнему виду, как говорят, «великан», ростом в 2 метра 10 см. Ахмет выбрал в жены адыгейку по имени Бельджюзаре из семьи Гутте. Она 1957 года рождения. Они воспитывают сына по имени Рияд, родившегося в 1988 году. Живя в Косово, Ахмет работал учителем физкультуры, сейчас трудится в бригаде по ремонту домов. С семьей живет в Майкопе, в доме, выделенном фондом.

Одиннадцатая семья — Цея Зауркана. Сам он родился в 1976 году, сестра Сабрие — в 1978 году. Переселились из Д. Становце. Здесь уже Зауркан окончил экономический факультет Адыгейского государственного университета, сейчас живет и работает в Краснодаре, холост.

Сабрие окончила национальный факультет этого же университета. Живет в Майкопе, в доме, приобретенном на средства фонда.

Двенадцатая семья — Цея Шабана. Шабан родился в 1931 году, проживал и работал в Д. Становце. Жена его Мелеч родилась в 1935 году. После переезда их поселили в здании детского сада по улице Ленина, 130 и они до сих пор живут там из-за того, что нет средств на строительство или покупку дома.

Тринадцатая семья — Цея Мухарема, родившегося в 1947 году. Супруга Мухарема Ханифе родилась в 1954 году. Семейой проживали в Д. Становце. Привезли с собой двух дочерей и сына: Шукране — 1977 года, Фердие — 1981 года, Бекир — 1984 года рождения. Сейчас семья Мухарема живет в Майкопе в выделенном фондом доме. Мухарем работает охранником в Майкопской мечети. Дочь Шукране работает в фирме «Курмел Гюл», дочь Фердие вышла замуж за адыга, выходца из Турции, воспитывают ребенка.

Четырнадцатая семья — Цея Мурата. Мурат родился в 1945 году. Его жена Цей Хатидже родилась в 1949 году, по национальности она албанка. Их сын Ахмед родился в 1978 году, дочь Айтене — в 1979 году. После переезда жили в санатории «Курджипс», в августе 1999 года, вернулись в Косово, живут там на своем старом подворье.

Пятнадцатая семья — Цея Рамадана, которая прибыла из Д. Становце. Мать его Фахрия родилась в 1920 году, жена София — в 1949

году. Они обе албанки, но адыгейский язык знают. В семье Цея один ребенок — сын Мехмет, родившийся в 1973 году. Эта семья также в августе 1999 года выехала из санатория «Курджипс» в Косово на свое прежнее место жительства.

Шестнадцатая семья — Цея Мухарема, родившегося в 1965 году. Семья эта также прибыла из Д. Становце. Жена его Шипе родилась в 1973 году. С ними была мать Мухарема Шемсие, 1946 года рождения. Обе эти женщины — албанки, адыгейский язык знали плохо. У Цея два сына: Юсуф — 1995 года, Салих — 1998 года рождения. Но и эта семья также в августе 1999 года вместе с другими уехала в Косово и ныне живет на своем прежнем месте.

Семнадцатая семья — Цея Зэйнулы 1961 года рождения. Семья его прибыла из Д. Становце. Жена его Мирадие 1958 года рождения, по национальности албанка. Они прибыли с двумя детьми. Их дочь Нефсет — 1990 года, сын Сефер — 1991 года рождения. Через месяц после переселения в этой семье родился еще один ребенок, которого назвали Газием, в честь Чемсо Газия, который неустанно занимался проблемами переселения адыгов из Косово. Новорожденному ребенку городская администрация подарила адыгейскую люльку, в санатории, где они тогда жили, в честь его рождения устроили большой праздник. Ныне эта семья живет в Майкопе в здании детского сада по улице Ленина, 130. И нет особой надежды на то, что им купят или построят дом.

Восемнадцатая семья — Цея Ибрагима, 1938 года рождения. Жена его Айтэ родилась в 1946 году. Айтэ — албанка. Их сын Махир вернулся с первой группой переселенцев (см. двадцать вторую семью). А когда они сами переехали, их второй сын Ирхан учился в Нальчике по выбранной им специальности врача. Сейчас он работает врачом-травматологом в республиканской больнице. Семья их живет в Мафэхабле на улице Российская, 8.

Среди переселенцев, возвратившихся обратно в Косово, в большинстве случаев жены были албанки. Наверное, это и было основной причиной того, что они не пожелали жить вдали от своего народа, своих сородичей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Косовские адыги обрели свою историческую родину, свою древнюю землю, вернулись в свой дом. Надо сказать правду, что в тех краях, откуда они прибыли, к ним неплохо относились, что руководители, стоявшие у власти, не оставляли их без своего внимания. По моему мнению, будет ошибочно сказать, что они с радостью покинули Косово. Когда-нибудь они, может быть, и решили бы вернуться, но в то время они еще психологически не были готовы к этому. Как я поняла, из-за войны, разразившейся в стране, им пришлось второпях покинуть ее, еле успев спастись. Когда человек, навсегда покидая место жительства, продает свой дом, он сильно переживает: счастливой и спокойной ли окажется жизнь на новом месте, куда он переселяется, или нет. Незвестность всегда пугает. Еще надо отметить, что когда семья, приобретя новый дом, переезжает на новое место, обычно она перевозит с собой вещи, предметы, орудия для ведения хозяйства, к которым привыкла за всю свою жизнь. Косовские же адыги переехали, оставив нажитое в течение всей своей жизни добро, домашний скот, дома. Люди правы, когда говорят: «Куда течет начало реки, туда и следует оставшая вода», «Жизнь человека измеряется десятилетиями, а народа — столетиями». Это означает то, что с человеком происходит в десятилетие один раз, с народом повторяется один раз в столетие. Человек всегда стремится к своим истокам. Как когда-то косовские адыги покидали свою родину, точно так же им пришлось и вернуться обратно. В спешном порядке они собрались, к тому же каждый из них мог взять с собой ручную кладь весом не более тридцати килограммов. Разве можно в тридцать килограммов уложить семейные пожитки?

А как живут сегодня бывшие косовские адыги? Нельзя сказать, что дела у них обстоят хорошо. Они говорят: «В этом государстве трудно разрешить проблему, которой занимаешься, один отсылает тебя к другому, что непременно вызывает трудности». И все же, несмотря на все это, они не теряют присутствия духа, находят выход из любого положе-

ния. Сейчас каждая семья, проживающая в Мафэхабле, обрабатывает огороды, выращивает различные овощи. Как раньше было сказано, больше всего они выращивают перец. Но молочных продуктов, которых у них в доме всегда было много, сейчас нет, они их покупают, нет домашних животных, птиц во дворах. И надо сказать, даже если бы решили их разводить, некуда выпускать. В их дворах нет подсобных построек, какие были в Косово. Сельскохозяйственные машины, которые они привезли с собой из Косово, стоят неиспользуемые из-за того, что у них мало земли для обработки. Создается впечатление, что когда они жили в Косово, были более расторопны и трудолюбивы. Хотя для этого есть явные причины: когда человек выпадает из привычной среды, ему кажется, что у него оторвали часть души и сердца. И мы надеемся на то, что подрастающее в семьях поколение, преодолев все эти временные трудности, найдет свое место в жизни.

Косовские адыги, где бы ни находились, со всей ответственностью хранили обычаи и традиции своего народа. В тайны сердца, своей души они посвящали только близких людей, родственников по крови. Наверное, поэтому малочисленные косовские адыги не утратили свой язык, семейный уклад. Выйдя со своего двора, они сразу слышали чужую речь, вступали в другую жизнь, но, несмотря на это, каждая семья была «крепостью», в которой сохранялись обычаи и традиции. Надо отметить, что албанцы, среди которых они жили, исповедовали такую же религию, но замечаешь, что адыги полностью не приняли их обычаи, их образ жизни, их миропонимание. Но несмотря на выпавшие на их долю невзгоды, они с благодарностью вспоминают страну, давшую им кров.

Говорят: «Спицы колеса становятся на землю по очереди». У косовских адыгов колесо жизни уже катится по родной земле, они перестали быть чужеземцами. Вернувшись в свои дома, они открывают новую страницу своей жизни. Хочется, чтобы и на земле своих предков они нашли себя, преодолели все трудности, начали жизнь новую, счастливую. Недаром аулу дали название Мафэхабл. Счастливой и долгой вам жизни в родной Адыгее!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Къалып** — инструмент для нарезки самана.
2. **Ізуадэ** — моток пряжи, который можно захватить одной рукой.
3. **Пидэ** — пирог с сыром, выпекаемый в печи.
4. **Гъэсэкушьо** — сколоченные деревянные наставки на верх телеги для удержания груза от выпадения.
5. **Шъхьалчарпэ** — водяная мельница.
6. **Щыдыбзый** — меха (горн) для поддувки воздуха при разжигании огня в кузнице.
7. **Тепсэ** — большая плоская посуда из меди или цинка для выпечки хлеба или пирожков в печи.
8. **Зэйтун** — черные плоды, похожие на сливы, из которых изготавливали масло (оливки).
9. **ШъхьальэшЮй** — золотуха на волосах головы новорожденных детей.
10. **Джэнэтл** — человек, попадающий после смерти в рай.
11. **Пхъэгие ео** — дерево, повреждаемое червями.
12. **Щэдэс** — отварной рис (на молоке или воде) с сахаром.
13. **ШъхьэфэятІэ** — очень мягкая как масло глина, им мыли голову. Волосы становятся шелковистыми. Собирали ее в окрестностях Косово.
14. **Джормэ** — род колбасы. Жирные кишки крупного скота, порезанные на кусочки, туда закладывали мясной фарш, перевязывали тонкими кишками, а затем вялили над очагом.
15. **Шъалэ** — сразу после кончины человека муэдзин сообщал об этом людям. Азан призывает верующих к совершению намаза в определенное время, а шъалэ могут прокричать в любой момент. Это — специальная молитва. После сообщения шъалэ, как правило, назывались имя и фамилия умершего.
16. **Альркъэб** — сорт тыквы, семена сажают у корня какого-нибудь дерева, когда они прорастают, выются вокруг ствола, затем появляются плоды в форме продолговатого кувшина. Когда плод поспевает, из него вынимают мякоть с семенами и используют как сосуд.
17. **Фэс паЮ** — фэс по-турецки переводится как головной убор, турецкий головной убор из бархата, в центре имеется кисточка с бахромой.
18. **Хъао** — состояние погоды.
19. **Сырэ** — последовательность ряда.
20. **Пхъаблэ** — связано с делами похорон. Когда гадают на фасоли, употребляют это слово.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Жизнь человека измеряется десятилетиями, а народа — столетиями	5
Мастера адыгского села	12
Свадебные обряды	15
Вывод невестки	19
Обряды связанные с воспитанием детей	26
Подготовка женщины к родам	—
Рождение ребенка	28
Обрезание пуповины	29
Купание новорожденного	—
Как ухаживали за роженицей	31
Уход за новорожденным	—
Выбор имени	33
Кушьэхапх — укладывание ребенка в колыбель	34
Обрезание ногтей	36
Появление зубов, забота о них	37
Уход за волосами	38
Лъэтегъзуцу — первые шаги ребенка	39
Детские болезни	—
Прием гостей, адыгская кухня — пыт	43
Похоронные обряды	52
Знахари, болезни, лекарства	60
Моление при засухе	64
Поверья и приметы	66
Гадание на фасоли	69
Вернувшиеся семьи	71
Послесловие	84
Примечания	86

Мариет Анзауровна Джандар

ОСТАЛИСЬ АДЫГАМИ

Этнографические исследования

Редактор **А. А. Шагуч**

Художественный и технический редактор **Н. Г. Федотова**

Корректоры: **С. М. Хабаху, С. А. Шхафижева**

ИБ № 33

Лицензия изд-ва № 04335 от 23.03.2001. Сдано в набор 11.05.2007. Подписано в печать 16.07.2007. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «Тип Таймс Суг». Печать офсетная. Усл. п. л. 5,12+1,63 вкладка. Уч.-изд. л. 5,65+1,7 вкладка. Тираж 500 экз. Заказ 0105.

Адыгейское республиканское книжное издательство. 385000, г. Майкоп, ул. Гоголя, 8.

ОАО «Полиграфиздат «Адыгея». 385000, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268, тел. для справок: 52-23-92.